

К. Кисель.

СКУЛЬПТУРА.

1915 г. Пробуждение № 15-й

1-го Августа 1915 г.

Им. Грива
Им. Грива
Им. Грива

Юной,

Ты такая милая, ты такая юная!
И зачѣмъ ты юная-юная такая?!—
Красота—порывистость и мечта безумная,—
Но молюсь я: «лучше-бы ты была другая!»...

Ты такая нѣжная! Нужно-ль тебѣ дикое?..
— Было, вѣдь, что нѣжное истребили гунны,—
И ушло прекрасное, и ушло великое,
И разбились статуи, и не пѣли струны!..

Ты такая юная! Ты—цвѣтокъ альпюцій,—
Ты—краса, возвращенная вешнею грозою!..
Пусть уйдетъ разнузданный, похотью пьянбюцій,—
Ты такая дѣвочка съ русою косою!

Н. Якубовичъ.

ПРОБУЖДЕНІЕ.

Годъ 10-й.

Выпускъ 15-й.

Женщинамъ.

У каждой есть свой свѣтлый витязь
Здѣсь у расходчивыхъ дорогъ...
Безъ слезъ, о женщины, молитесь!..
Мы въ бой идемъ, и съ нами Богъ.

Да будутъ святы и далеки
На время вспыхнувшей войны
И всѣ весенніе намеки,
И всѣ заманчивые сны.

Прощай, что сердцу улыбалось,
Блаженство мирное суля,
И зорь задумчивая алость,
И пробужденныя поля!

Что поцѣлуй любви горячій?
Что этотъ хмель любви земной?
Нѣтъ, пусть никто изъ васъ не
плачетъ,
Кто въ мысляхъ чистъ, кто
гордъ душой!

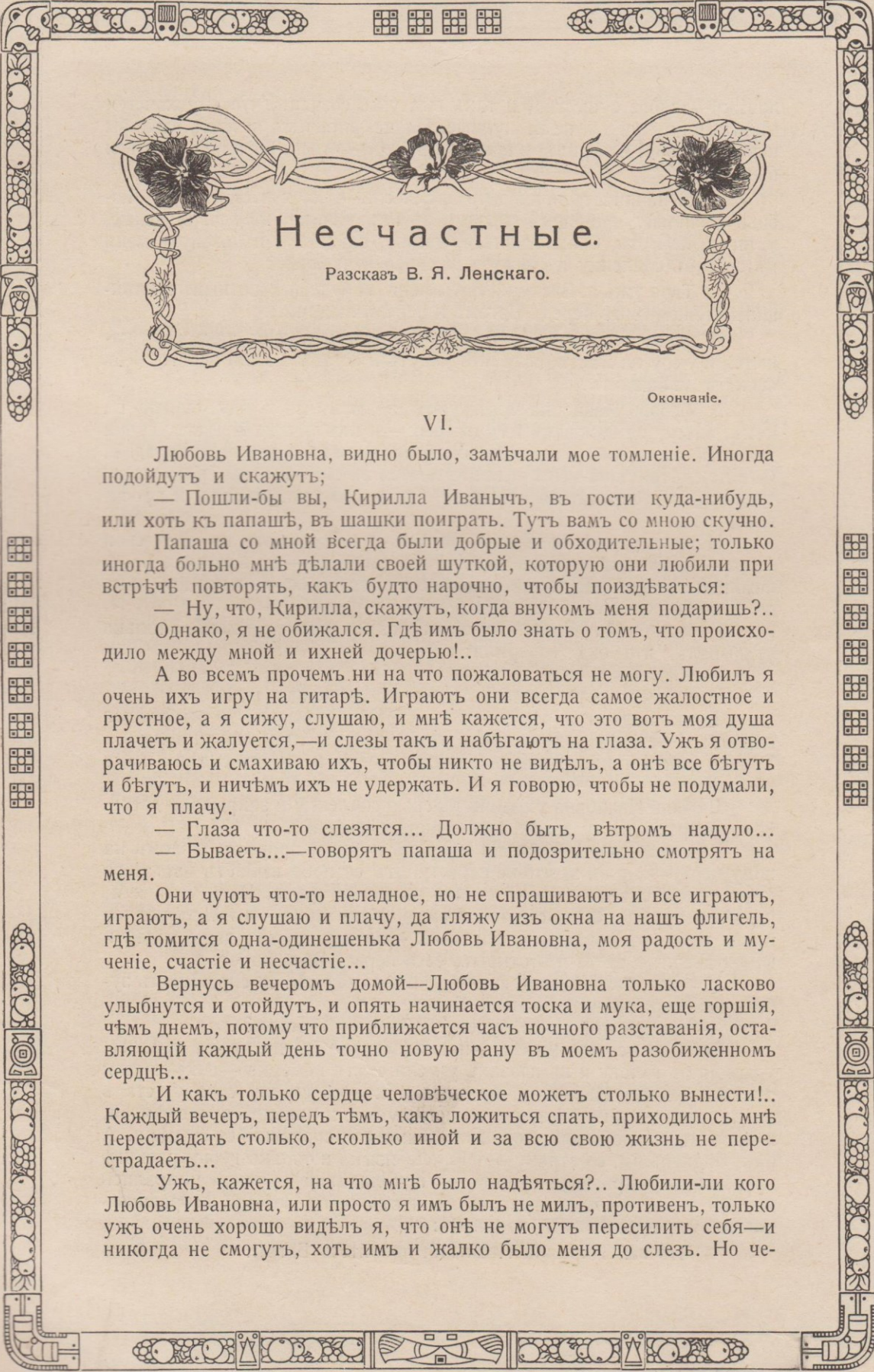
Молитесь, женщины!.. Надъ
нивой
Пусть грянетъ громъ... Пусть
грянетъ... пусть
Несите смѣло, горделиво
Свою возвышенную грусть?!

Ив. Мукосевъ.

EW

Несчастные.

Разсказъ В. Я. Ленскаго.

Окончаніе.

VI.

Любовь Ивановна, видно было, замѣчали мое томленіе. Иногда подойдут и скажутъ;

— Пошли-бы вы, Кирилла Ивановичъ, въ гости куда-нибудь, или хоть къ папашѣ, въ шашки поиграть. Тутъ вамъ со мною скучно.

Папаша со мной всегда были добрые и обходительные; только иногда больно мнѣ дѣлали своей шуткой, которую они любили при встрѣчѣ повторять, какъ будто нарочно, чтобы поиздѣваться:

— Ну, что, Кирилла, скажутъ, когда внукомъ меня подаришь?..

Однако, я не обижался. Гдѣ имъ было знать о томъ, что происходило между мной и ихней дочерью!..

А во всемъ прочемъ ни на что пожаловаться не могу. Любилъ я очень ихъ игру на гитарѣ. Играютъ они всегда самое жалостное и грустное, а я сижу, слушаю, и мнѣ кажется, что это вотъ моя душа плачетъ и жалуется,—и слезы такъ и набѣгаютъ на глаза. Ужъ я отворачиваюсь и смахиваю ихъ, чтобы никто не видѣлъ, а онѣ все бѣгутъ и бѣгутъ, и ничѣмъ ихъ не удержать. И я говорю, чтобы не подумали, что я плачу.

— Глаза что-то слезятся... Должно быть, вѣтромъ надуло...

— Бываетъ...—говорятъ папаша и подозрительно смотрятъ на меня.

Они чувятъ что-то неладное, но не спрашиваютъ и все играютъ, играютъ, а я слушаю и плачу, да гляжу изъ окна на нашъ флигель, гдѣ томится одна-одинешенька Любовь Ивановна, моя радость и мученіе, счастье и несчастье...

Вернусь вечеромъ домой—Любовь Ивановна только ласково улыбнется и отойдутъ, и опять начинается тоска и мука, еще горшія, чѣмъ днемъ, потому что приближается часъ ночного разставанія, оставляющій каждый день точно новую рану въ моемъ разбиженномъ сердцѣ...

И какъ только сердце человѣческое можетъ столько вынести!.. Каждый вечеръ, передъ тѣмъ, какъ ложиться спать, приходилось мнѣ перестрадать столько, сколько иной и за всю свою жизнь не перестрадаетъ...

Ужъ, кажется, на что мнѣ было надѣяться?.. Любили-ли кого Любовь Ивановна, или просто я имъ былъ не миль, противень, только ужъ очень хорошо видѣлъ я, что онѣ не могутъ пересилить себя—и никогда не смогутъ, хоть имъ и жалко было меня до слезъ. Но че-

ловѣкъ—слабое существо, и такъ онъ ужь созданъ, что ему хочется вѣрить въ лучшее, а не въ худшее. Иначе, впрочемъ, и жить было-бы невозможно. И я вѣрилъ, и все ждалъ чуда,—отчего-бы и не случиться было чуду?..

Какъ начинается подходить время сна—ужь я и смотрю на Любовь Ивановну, впиваюсь глазами въ ихъ личико, въ глазки ясные, уста алыя. Вотъ, смилостивятся, думаю, наконецъ, и позовутъ меня къ себѣ въ спальню и скажутъ ласково и любовно:

— Твоя ужь я. Заслужилъ ты меня. И будешь ты отнынѣ настоящимъ мужемъ мнѣ передъ Богомъ и передъ людьми...

И дрожу я весь и обмираю, объ этомъ мечтаючи, такъ вотъ кажется и умру на мѣстѣ, если онѣ уйдутъ и оставятъ меня одного, безъ всякаго утѣшенія...

А Любовь Ивановна чувствуютъ, знаютъ, что я жду, смотрю на нихъ, слѣжу за каждымъ ихъ шагомъ,—и ихъ личико бѣлѣетъ, губки дрожатъ отъ страха, и все тѣло ихъ бьетъ дрожью, какъ въ лихорадкѣ. Онѣ не смотрятъ на меня, и все кутаются въ свой пуховый платочекъ, точно хотятъ спрятаться отъ меня, отъ моихъ ожидающихъ и просящихъ глазъ.

Наконецъ, онѣ подходятъ ко мнѣ и поднимаютъ на меня свои глаза,—какіе глаза, Боже мой! Разъ увидишь—на всю жизнь запомнишь! Точно сама душа человѣческая смотрѣла на меня изъ нихъ со слезами, съ тоской, съ мольбой о состраданіи...

Поблѣвшія губки ихъ чуть шевелились, и я не слыхалъ, а только угадывалъ, что онѣ говорили:

— Спокойной ночи...

И ко мнѣ протягивалась холодная, дрожащая ручка...

Точно падалъ я откуда-то со страшной высоты и разбивался впрахъ. И не было у меня силъ, чтобы просить ихъ, или упрекать... Только молча прикладывался къ ихъ ручкѣ и потомъ сидѣлъ, какъ убитый...

Любовь Ивановна уходили въ свою спальню и закрывали дверь. И я смотрѣлъ на ту дверь, какъ заколдованный...

Разсказываютъ, что если вокругъ курицы провести мѣломъ на полу черту—она ни за что не переступитъ ее и не выйдетъ изъ этого круга, хотя сдѣлать это не стоитъ никакого труда. Вотъ такъ и я, какъ эта курица, былъ съ этой дверью. Какъ мужъ—я имѣлъ полное право войти въ спальню своей жены,—но я не смѣлъ даже подойти къ ея двери, а не то что открыть ее и переступить порогъ...

И я ложился въ свою постель, и въ темнотѣ, со скрежетомъ зубнымъ спрашивалъ Господа Бога:

— Что-же это такое будетъ?.. За что, Господи?..

Разъ я не выдержалъ,—поднялось въ груди что-то горячее, ударило въ голову и въ глазахъ у меня свѣтъ померкъ,—обхватилъ я руками Любовь Ивановну, прижалъ ихъ къ сердцу своему, сталъ осыпать плечики ихъ безумными поцѣлуями, и плакалъ я, и смѣялся, и просилъ, и требовалъ, точно сумасшедшій, сорвавшійся съ цѣпи. А онѣ, бѣдненькія, со страху лишились языка и только губки раскрывали, какъ умирающая птичка, да похолодѣвшей ручкой упирались въ мой лобъ, чтобы отстранить меня отъ себя. Потомъ, собравшись съ силами, промолвили, наконецъ:

— Что вы, Кирилл Иванычъ, побойтесь Бога!..

И я сразу оставил ихъ, но успокоиться не могъ, плакалъ, бился головой о столъ и кричалъ:

— Когда-же вы перестанете пытаться меня, Любовь Ивановна?.. Никакихъ силъ моихъ нѣту больше! Я убить васъ могу!..

А онѣ дрожавшей ручкой подавали мнѣ стаканъ съ водой, и изъ ихъ глазокъ ручьями бѣжали слезы, и онѣ говорили, плача:

— Ну, зачѣмъ?.. Кирилла Иванычъ, родной, не надо...

Потомъ взяли своими ручками мою голову и поцѣловали меня въ лобъ. Этимъ и укротили сразу звѣря.

Упавъ я имъ въ ножки, слезно сталъ молить о прощеніи, билъ себя по головѣ кулаками, въ наказаніе за свою неслыханную дерзость. И онѣ старались поднять меня, говоря со слезами:

— Встаньте, Кирилла Иванычъ. Вы ни въ чемъ передо мной не виноваты. Это я одна виновата во всемъ. Но я не могу ничѣмъ искупить моей вины передъ вами... Ахъ, зачѣмъ вы меня полюбили! Я не стою вашей любви!..

И губки у нихъ дрожали, и глазки смотрѣли, какъ у овечки, у которой горло перерѣзали, совсѣмъ точно умирали отъ своей душевной боли...

VII.

Запали мнѣ въ голову эти ихъ слова,—что не я, а онѣ виноваты во всемъ, и сталъ я крѣпко задумываться, раскидывать умомъ, ломать себѣ голову надъ ними. И надумалъ я скоро, что не я, и не онѣ виноваты, а кто-то третій сталъ между нами на гибель мою и Любви Ивановны. «Кто-же этотъ третій?—думалъ я:—У кого узнать? Какъ его разыскать, чѣмъ его искоренить между насъ, чтобы не губилъ онъ нашу жизнь семейную?..»

Сталъ я мамашу ихнюю исподволь выпрашивать, конечно, прямо не говорилъ, а такъ, обинякомъ-съ,—отчего, дескать, Любовь Ивановна гулять не ходятъ, и въ гости ни къ кому не жалуютъ, а все какъ будто печалются о чемъ? Можетъ, у нихъ болѣзнь есть какая? Или горе неизбытое?..

Да ничего я не добился. Варвара Ивановна сердилась, да на меня еще напускались, говорили, что если жена скучаетъ да печалится—такъ въ этомъ мужъ виноватъ и никто больше, а что Любинька всегда была веселой и здоровой и никакихъ печалей и болѣзней у нея никогда не бывало. Ну, и все такое.

Но я замѣчалъ по ихъ лицу, что онѣ душой кривили; видать было, что онѣ что-то знали, да отъ меня скрывали, боялись говорить. И папаша знали и тоже не говорили. Когда начинался такой разговоръ—Иванъ Лазаревичъ отворачивались и только кричали отъ смущенія. А разъ, провожая меня, погладили по плечу, видно, жалѣючи и тихонько сказали:

— Люба чиста передъ тобой и Богомъ. Не сомнѣвайся, Кирюша, и будь спокоенъ...

Легко имъ было говорить, каково мнѣ было слушать!.. Самъ я знаю, что Любовь Ивановна чисты передо мной, да что мнѣ изъ того, когда онѣ на меня и глядѣтъ не хотятъ?..

Да и потомъ—чистота чистотѣ рознь. Тѣлесно, такъ сказать, онѣ, можетъ быть, и чисты передо мной, а вотъ душевно—объ этомъ надо подумать. А чистота душевная, можетъ, и поважнѣе будетъ тѣ-

лесной, потому что тѣло въ прахъ обратится, а душа Богу должна отчетъ отдавать...

Почуяль я въ душѣ Любви Ивановны нечистоту и сказалъ себѣ: «Любятъ онѣ другого—видно по всему!» И совсѣмъ я лишился покоя. Какъ посмотрю на нихъ—и въ сердцѣ и въ головѣ недоброе ворочается. Такъ вотъ и лѣзутъ въ голову разныя проклятыя мысли. Сижу и представляю себѣ, какъ это Любовь Ивановна мечтаютъ о своемъ возлюбленномъ; небось, если-бы онѣ пришелъ—и обняли-бы его, и приласкали-бы, и разными нѣжными словами и поцѣлуями стали ублажать. А для мужа, законнаго супруга, и добраго словца у нихъ не находится!..

И все вотъ такое, злое, обидное приходитъ на умъ, такъ что голова начинаетъ трещать, въ сердцѣ кровь отъ досады закипаетъ. Стукнуль-бы кулакомъ по столу (мой папаша покойникъ постоянно кулакомъ стучали на мою маменьку) и сказалъ-бы во весь голосъ: «Жена ты мнѣ, али не жена? А ежели жена—по какому праву при живомъ мужѣ о другомъ думаешь-гадаешь?..» Да не смѣль-сь, языкъ не поворачивался во рту.

Да и то сказать, каждый можетъ имѣть въ душѣ свое, и никому до этого не должно быть дѣла. Угадывать, знать—можешь, а залѣзть въ чужую душу не смѣй.

Это я понималъ хорошо, но, вѣдь, мнѣ съ Любовью Ивановной никакого утѣшенія не было, ни малѣйшаго, можно сказать, снисхожденія съ ихъ стороны,—какъ же было терпѣть?.. Вѣдь, живой я человѣкъ, тоже хочется ласки, радости. А какая ужъ тутъ радость!..

Если-бы онѣ были мнѣ, какъ полагается, настоящей супругой,—я и подумать не смѣль-бы о томъ, что у нихъ тамъ въ душѣ. А такъ какъ онѣ меня отвергли, пренебрегли—тутъ ужъ и стараешься докопаться, почему, да отчего, да изъ-за кого. И ревностью мучаешься до потери разума...

Съ того времени сталъ я помаленьку попивать. Отыскались друзья-пріятели, собутыльники лихіе. По вечерамъ частенько, вмѣсто того, чтобы домой идти изъ лабаза, а я прямо въ трактиръ, и сижу тамъ до поздней ночи, чтобы Любовь Ивановна спать ложились безъ меня и чтобы я, вернувшись, ихъ не видѣлъ. Такъ-то, казалось, легче сердцу моему было переносить обиду.

Но это только казалось, а на самомъ дѣлѣ еще горше становилось, когда придешь ночью и—какъ былъ одинъ, такъ одинъ и спать ложишься. Знаешь, что есть человѣкъ—дорогой, любимый, ахъ, какой любимый!—и подступиться не можешь. А ужъ такъ хотѣлось-бы войти въ ихъ горенку, приласкаться, приголубиться, склонить на грудь ихъ бѣлую свою голову сиротливую...

Вмѣсто этого—постоишь только у закрытой двери, пошепчешь про себя:

— Ясочка моя ненаглядная, солнышко мое красное, пожалѣй же меня, горемыку несчастнаго!..

И пойдешь въ свою конуру, неутѣшенный, необласканный, до слезъ разобиженный...

VIII.

Случилось разъ, что я ужъ очень сильно хватилъ отъ своей тоски-печали и въ ту ночь въ квартиру свою не попалъ, а свалился и заснулъ у крыльца папашинаго дома. Тамъ утромъ меня папаша и

нашли. Разбудили, повели въ домъ, приступили ко мнѣ съ Варварой Ивановной: что, да какъ, да почему?..

Я сначала молчалъ, не хотѣлъ говорить. А мамаша напустились на меня:

— Да онъ просто напился—оттого и домой не попалъ!..

Почуяли папаша винный духъ и даже отступили отъ меня, противно стало. Покачали головой.

— Ты что же это, Кирилла, говорятъ, какъ-же тебѣ не стыдно?..

А мамашенька такъ и вовсе разстроились, пальчики заломили, во весь голосъ заголосили:

— Ахъ, ужасъ какой! Ахъ, несчастье!.. Выдали мы нашу дочь за пьяницу, за человѣка пропащаго!..

Закипѣло у меня въ сердцѣ, немоготу стало молчать. За что, думаю, обиду такую терпѣть еще отъ мамы и папы? Пусть они узнаютъ всю правду истинную и тогда уже судятъ меня.

— Вы,—говорю,—папаша и мамаша, облагодѣтельствовали меня, человѣкомъ сдѣлали, и я вамъ много за это благодаренъ. А прощаю я никогда не былъ, и сроду хмельного въ ротъ не бралъ. Только теперь сталъ зашибать, и это, какъ вы изволили, мамаша, совершенно справедливо сказать—ужасъ и несчастье. Только не моя въ этомъ вина...

Удивились они такимъ моимъ рѣчамъ, насторожились.

— А чья-же?—спрашиваютъ.

Тутъ я и выложилъ имъ все...

Когда я говорилъ—внутри у меня страшный голосъ раздавался: «Что ты дѣлаешь? Молчи, не говори, подлецъ ты этакий! Не продавай Любовь Ивановну. Иуда Искариотъ окаянный!..»

Но уже не могъ я совладать съ собой, со своимъ изболѣвшимъ сердцемъ.. «Все равно пропадать,—думалъ я,—пусть хоть узнаютъ!..»

— И не жена мнѣ Любовь Ивановна,—закончилъ я свой рассказъ:—по сию пору. Только названіе одно. А такъ какъ люблю я ихъ безъ разсудка, безъ памяти—то и выходитъ, что мнѣ пропадать.

Варвара Ивановна, выслушавъ меня, даже ручками всплеснули.

— Да ты не врешь?—спрашиваютъ:—Да ты не пьянь-ли еще до сихъ поръ?..

— Нѣтъ,—говорю,—не вру и не пьянь. А не вѣрите—такъ мнѣ все равно. Однако, могу перекреститься...

И перекрестился...

А папаша нахмурились, глядятъ на меня строго, съ укоромъ.

— Зря ты болтаешь объ этомъ, Кирилла!—сказали они.—Это ваше дѣло семейное и никого мѣшать сюда не слѣдуетъ...

Мамаша на нихъ набросились:

— Почему зря? Что за семейное дѣло? Какъ намъ, родителямъ, не мѣшаться въ такое дѣло родной дочери?.. Молчи, пожалуйста, если ничего не понимаешь!.. А я сейчасъ пойду къ Любкѣ. Я у нея дурь изъ головы выколочу, чтобы она меня не срамила. Ужъ я съ ней поговорю по своему!..

Метнулись онѣ было къ дивану за шалью, да папаша вдругъ какъ ударять по столу кулакомъ, да какъ крикнуть на нихъ во весь голосъ, красные, съ налитыми кровью глазами:

— Не смѣй!.. Не позволю!..

Такъ Варвара Ивановна и сѣли на диванъ...

И стыдно тогда вдругъ стало мнѣ передъ папашей за мою сла-

бость: понялъ я, что совершилъ мерзость противъ Любови Ивановны. Вѣдь, мамаша теперь ихъ замучаютъ, совсѣмъ изведутъ, а мнѣ отъ этого легче не станеть. Только Любовь Ивановна презирать меня начнутъ, и мнѣ тогда и на глаза имъ ужъ нельзя будетъ показываться. Что это я надѣлалъ, Господи Боже мой!..

Бросился я въ ноги мамашѣ, возопилъ не своимъ голосомъ:
— Богомъ прошу васъ, мамаша, не говорите Любови Ивановнѣ ничего! Папашенька правду сказали—это дѣло наше семейное. Ужъ мы сами какъ-нибудь сладимся. А нѣтъ—такъ пусть я одинъ пропаду!

IX.

Изъ разговора съ папашей и мамашей, какъ и слѣдовало ожидать, ровно ничего не вышло. Получилась только скверная исторія для Любови Ивановны, потому что мамаша стали ихъ каждодневно урезонивать, кричали на нихъ, ругались; а мнѣ такъ ужъ и совсѣмъ стало плохо. Любовь Ивановна, конечно, догадывались, откуда это пошло, но ничего мнѣ не говорили, ни разу не попрекнули меня, только глазки у нихъ стали совсѣмъ какъ у раненой голубки, и когда онѣ смотрѣли на меня—я не зналъ, куда дѣвать себя отъ стыда и жалости къ нимъ.

Въ концѣ концовъ, я не выдержалъ и покаялся имъ. Любовь Ивановна слушали меня, опустили глазки, тихія, блѣдныя, и по щекамъ у нихъ бѣжали слезы. И онѣ, ангель кротости, мнѣ-же, подлецу, ласково улыбнулись и тихо промолвили:

— Эго ничего. Не огорчайтесь такъ, Кирилла Ивановичъ. Я больше виновата передъ вами и за свою вину еще мало терплю. Я васъ не виню, знаю, какъ вамъ тяжело и больно...

И простили онѣ меня, низкаго, подлаго, и отлегло немного отъ сердца у меня. Стало какъ будто легче дышать. Радовался я тому, что Любовь Ивановна оправдали меня, не подвергнули презрѣнію...

Да недолго это продолжалось. Скоро я опять принялся за старое. Снова схватило меня за сердце мученіе, любовь моя безотвѣтная, ревность проклятая, какъ когтями желѣзными,—и не видѣлъ я больше для себя никакого спасенія. А тутъ еще мамаша подлили масла въ огонь... Какъ простили мнѣ Любовь Ивановна мой низкій поступокъ противъ нихъ—захотѣлось мнѣ имъ отблагодарить, избавить ихъ отъ маминыхъ криковъ и брани. Пошелъ я къ Варварѣ Ивановнѣ и сказалъ имъ, что мы, дескать, съ Любовью Ивановной уже поладили и что не нужно больше урезонивать и наставлять ихъ. А чтобы онѣ повѣрили моимъ словамъ—я еще поблагодарилъ ихъ за помощь. Мамаша обрадовались, обняли и поцѣловали меня и потомъ сказали:

— Ну, слава Богу!.. А я думала, что у ней все эта дурь въ головѣ сидитъ!..

Меня точно обухомъ ударило по головѣ.

— Какая дурь?—спрашиваю, и весь затрясся, а самъ дѣлаю видъ, что совсѣмъ спокоенъ.

Но мамаша замѣтили, что я взволновался и спохватились.

— Да нѣтъ, говорятъ, это я такъ... Не стоить объ этомъ говорить.

А у меня въ сердцѣ ужъ такъ и сосеть, такъ и сосеть. Однако, я сдержался и какъ будто равнодушно спросилъ:

— Отчего-же, напримѣръ, не стоить?..

— Глупости, дѣтскія шалости!—отвѣчаютъ мамаша, и вижу я, что у нихъ отъ раздраженія ужъ кончикъ носа покраснѣлъ.

«Нѣтъ, думаю, это не глупости!..» И не унимаюсь, опять спрашиваю, съ самымъ невиннымъ видомъ:

— Какія-же это шалости, мамаша?..

Тутъ ужъ онѣ вскипѣли и прикригнули на меня:

— Не приставай! Чего придрался къ слову?.. Тоже допросчикъ выискался!.. Ступай лучше къ своей женѣ — небось, соскучилась! А у меня и безъ тебя дѣла много!..

Такъ и не добился я у нихъ объясненій. Ушелъ я, только не къ себѣ домой, а прямехонько въ трактиръ. Тоска взяла меня за сердце такая, какой я еще отродясь не испытывалъ. Такъ вотъ разорвалъ-бы себѣ грудь! Да вырвалъ оттуда сердце, чтобы отъ тоски этой избавиться!..

Такъ, вѣдь, оно и выходило, какъ я думалъ: у Любви Ивановны была зазноба!.. Да кто-жъ онѣ есть такой, который сталъ у меня поперекъ дороги?..

Сидѣлъ я въ трактирѣ, пилъ, разговаривалъ съ пріятелями, а какъ вспомню—такъ кулаки сами и сжимаются и звѣремъ смотрю.

— Чего ты?—спрашиваютъ меня.

— Не ваше дѣло,—говорю.

И опять пью и разговариваю, какъ ни въ чемъ не бывало...

Былъ среди насъ одинъ насмѣшникъ, зубоскаль, молодой паренекъ, приказчикъ со Старога базара. Поглядѣвъ на меня, засмѣялся онѣ и говоритъ, скаля зубы:

— Не иначе, какъ у жены Кириллы любовничекъ завелся!..

Потемнѣло у меня въ глазахъ, не взвидѣлъ я свѣту Божьяго.

— Не смѣй,—кричу,—о моей женѣ такія слова говорить!..

Да какъ дамъ ему кулакомъ по лицу, такъ онѣ и покотился изъ за стола, обливаясь кровью.

А самъ я выскочилъ на улицу и, какъ былъ,—безъ шапки—домой побѣжалъ...

Было уже за полночь, Любовь Ивановна давно спали. Не посмѣлъ я зайти къ нимъ въ спальню, а постучалъ въ дверь, разбудилъ ихъ.

— Кто тамъ?—спрашиваютъ онѣ соннымъ голоскомъ.

— Я,—говорю,—выйдите ко мнѣ, Любовь Ивановна, поговорить нужно...

— О чемъ, Кирилла Ивановичъ?—спрашиваютъ онѣ, и голосокъ задрожалъ у нихъ отъ безпокойства.

А у меня въ сердцѣ обида такъ и бурлитъ. Не могъ я сдержать себя, да и пьянъ еще былъ вдобавокъ. Говорю грубо:

— Невозможно черезъ дверь разговаривать. Выходите, тогда скажу!..

— Ну, хорошо,—говорятъ Любовь Ивановна, и голосокъ у нихъ уже рвется отъ страха:—Подождите только немного, я одѣнусь...

— Можно и не одѣваться!—говорю я злобно:—Кажется, не чужой вамъ, свой!.. Ну, да все равно, только поскорѣ!..

Скорешенько, кое-какъ, одѣлись онѣ, вышли ко мнѣ блѣдныя, какъ стѣна, дрожащими пальчиками торопливо застегиваютъ блузку на груди. А я безъ проволочекъ прямо и отрубилъ имъ:

— Вотъ, Любовь Ивановна, говорятъ, что у васъ любовничекъ есть!.. А мнѣ-то раньше и невдомекъ это было!.. То-то я вамъ такъ не милъ и въ супруги не гождь!..

Задрожали онъ, какъ листочекъ древесный, ручки на груди молитвенно сложили, глазами жалкими испуганно уставились на меня.

— Что вы,—говорятъ.—Кирилла Иванычъ? Христось съ вами!.. Богомъ клянусь вамъ, никогда не было и нѣтъ!..

— А не любовничекъ, такъ зазноба!—говорю:—Ужъ не отпирайтесь, Любовь Ивановна! Знаю!..

Покачали онъ тихо головкой.

— Нѣтъ,—говорятъ,—Кирилла Иванычъ, ошибаетесь вы. Скажу вамъ правду, какъ передъ Богомъ—есть у меня одинъ человекъ, о которомъ я всегда думаю, только это не зазноба, потому что мнѣ нельзя его любить и даже видѣться съ нимъ. Женатый онъ, семейный...

— Кто?—спрашиваю, и за ручку даже схватилъ ихъ.

А онъ опять головкой покачали, да такъ грустно-грустно:

— Зачѣмъ это вамъ, Кирилла Иванычъ? Лучше не спрашивайте...

— А я хочу знать!—говорю:—Кто?..

И ручку ихъ сжалъ посильнѣй, чтобы больно имъ сдѣлать, потому что сильно озлобился на нихъ.

У Любви Ивановны даже губки побѣлѣли, а все стоятъ на своемъ:

— Не скажу. Не надо, Кирилла Иванычъ. Хуже будетъ, если будете знать...

И слезы у нихъ изъ глазокъ брызнули...

А мной словно бѣсъ какой овладѣлъ; и ужъ и жалости къ нимъ не чувствую, а одну злобу, тяжелую, ненасытную. Сжимаю ихъ ручку и все спрашиваю:

— Кто?.. Скажите, кто?..

Заплакали онъ и взмолились:

— Мнѣ больно... Пустите...

— Не скажете?..

Качнули онъ головкой—и тихонько плачутъ. И ничего больше не говорятъ. Видно, рѣшили терпѣть...

Постояли мы такъ, постояли,—и понемногу отошелъ я; выпустилъ ихъ ручку, ушелъ въ свою комнату. Легъ и заплакалъ...

И отчего-бы, думаете, плакалъ я?.. Не отъ ревности, не отъ тоски и обиды, а отъ жалости къ ихъ маленькой ручкѣ, которой я сдѣлалъ больно!..

Х.

Съ той ночи и пошло, и пошло... Что ни вечеръ—то у насъ и разговоръ съ Любовью Ивановной. Прихожу изъ трактира пьяный, совсѣмъ не въ себѣ, стучу въ дверь къ нимъ, требую, чтобы онъ вышли и все спрашиваю:

— Кто?.. Хочу знать—кто?..

Точно, если онъ назовутъ мнѣ имя—такъ все сразу и рѣшится и окончатся всѣ мои мученія. Совсѣмъ человекъ ума рѣшился. Всѣ мысли къ одному обратились: узнать во что бы то ни стало—кто стоитъ между мной и Любовью Ивановной и сердце ихъ отвернулъ отъ меня. Ужъ я и требовалъ, и просилъ, и грозилъ, и плакалъ—ничего не помогало. Онъ оставались непреклонны, только плакали и одно повторяли:

— Не къ чему это, Кирилла Иванычъ. Ужъ вы лучше побейте меня, прогоните изъ дома на улицу, только не спрашивайте. Все равно не скажу...

И занесъ я однажды, помотившись отъ злобы, на нихъ руку. А онѣ какъ будто обрадовались, что я хочу ихъ ударить, и даже нарочно поддались впередъ, чтобы вѣрнѣй ударъ принять.

Посмотрѣлъ я на нихъ—и рука у меня опустилась. Отвернулся, стыдно стало.

— Вотъ,—говорю,—до чего вы доводите меня, Любовь Ивановна!..

А онѣ взяли ту самую мою руку, которую я было занесъ на нихъ, и поцѣловали ее. И потомъ сказали:

— А вы-бы ударили меня, Кирилла Ивановичъ. Можетъ, вамъ отъ этого легче-бы стало...

— Эхъ,—говорю,—Любовь Ивановна! Не бить я васъ собирался, когда бралъ за себя. Знаете вы это... Да объ этомъ теперь говорить не приходится... Я и самъ не знаю, что со мной дѣлается. И люблю васъ, и ненавижу!.. Запирайте вы на ночь дверь свою ключемъ и задвижкой желѣзной и не открывайтесь, сколько бы я ни стучалъ, и не выходите ко мнѣ, сколько бы я ни звалъ васъ. Не ровень часъ—могу я васъ убить. Такъ ужъ вы хоронитесь отъ меня, чтобы бѣды какой не приключилось...

А на другой день пьянствовалъ я въ трактирѣ пуще прежняго. Пропадай жизнь моя пропадомъ! Только-бы задурманиться, залить виномъ тоску смертную!..

Да не заливалась тоска, не дурманивалась голова. А сердце сильнѣй разгоралось ревностью, закипало злой обидой. Тутъ еще товарищи опять дразнить начали. Одинъ сказаль, подливая мнѣ вина:

— Не горюй! Дома и безъ тебя весело!..

Другой прибавиль, чокаясь:

— Какъ-бы крестинами тамъ дѣло не кончилось!..

А третій, которому я давеча за оскорбительныя слова лицо въ кровь разбилъ, предложилъ со злобной усмѣшкой—а самъ ужъ бутылку наготовѣ держаль, на случай драки со мной:

— Зови меня въ кумовья! Никому не скажу!..

Ничего я имъ не отвѣтилъ, всталъ изъ-за стола и пошелъ прочь. «Пусть будетъ конецъ!»—рѣшилъ я. А какой конецъ—и самъ не зналъ. Только чувствовалъ, что подошло уже къ самому горлу и не было никакихъ силъ терпѣть дальше...

Не помню, какъ я дошелъ до дому. Вхожу во дворъ—вижу въ домѣ чугуевскомъ огонекъ горить, значить—еще не спятъ. Постучаль я въ дверь. Сами мамаша открыли. Испугались, смотря на меня во всѣ глаза.

— Ты чего?—спрашиваютъ:—Съ Любинькой что случилось?..

— Нѣтъ,—говорю,—съ Любовью Ивановной ничего не случилось, онѣ благополучно почиваютъ-съ. А вотъ со мной,—говорю,—неладное происходитъ. Соболаговолите, мамаша, впустите въ комнату, поговорить съ вами нужно...

— Да что такое?—спрашиваютъ:—Въ чемъ дѣло?..

— Тамъ скажу,—и лѣзу въ дверь, хоть онѣ и загораживали входъ.

— Да мы спать собираемся!—говорятъ:—Иванъ Лазаревичъ уже легъ...

— Это ничего не значить,—говорю.—Я не долго. Дѣло важное. А папаша пускай спятъ. Мнѣ, собственно, къ вамъ, мамаша...

Впустили онѣ меня. Вошелъ я въ столовую, и отъ духоты комнат-

ной стало меня разбирать, захмелѣлъ я, еле на ногахъ держусь. Взглянули на меня мамаша—ручками о бока ударили.

— Да ты опять пьянь!—говорять.

— Можетъ, и пьянь,—говорю,—только это къ дѣлу не относится. Вы лучше скажите мнѣ, мамаша, по чистой совѣсти, про какую такую дурь вы давеча упомянули въ нашемъ съ вами разговорѣ о Любви Ивановнѣ? Ежели объ ихъ любовникѣ—такъ ужъ извольте сказать и имя его. Оно хоть и не полагается мужу знать про любовниковъ своей жены, а все же я прошу васъ объ этомъ. Ужъ сдѣлайте мнѣ, мамаша, такое снисхожденіе...

Ахнули Варвара Ивановна, руками всплеснули, закричали на меня:

— Ахъ, ты дуракъ!.. Ахъ, ты пьяница безсовѣстный!.. Да ты съ ума сошелъ?.. Да какъ ты смѣешь, подкидывшь несчастный?..

А на меня ихъ крикъ уже совсѣмъ и не дѣйствовалъ. Когда собаку долго бьютъ—она терпитъ, терпитъ, а потомъ вдругъ обозлится и ужъ сама начинаетъ на людей бросаться. Такъ вотъ было и со мной. Мамаша кричатъ, а я тоже поднимаю голосъ и кулаками по столу постукиваю:

— Можетъ, я и дуракъ, и пьяница, и подкидывшь, а ужъ, если вы, мамаша, выдали за меня дочь вашу—такъ и держите отвѣтъ за нее!—Тутъ ужъ я по-настоящему, какъ мой папаша покойный, хватилъ кулакомъ объ столъ:—Извольте мнѣ сію минуту сказать—кто стоитъ между мной и Любовью Ивановной?..

Поглядѣли на меня Варвара Ивановна удивленно — и вдругъ засмѣялись:

— Ахъ, ты,—говорять,—сморчекъ этакой! Тоже кричатъ и стучать кулакомъ берется!.. Да ты посмотри на себя въ зеркало—на кого ты похожъ! Чучело огородное—и то погрознѣе будетъ!..

А я какъ разъ стоялъ противъ зеркала; невольно глянулъ я на себя—и сразу весь мой куражъ пропалъ. Наружность у меня, какъ извѣстно, неказистая, и лицомъ и ростомъ я не вышелъ, такого чело-вѣка, когда онъ гнѣвается,—никто не побоится. Только смѣхъ одинъ—и больше ничего. И показался я тогда самъ себѣ такимъ сквернымъ, такимъ ничтожнымъ, что самому противно было на себя смотрѣть: щуплый, маленькій, какой-то облѣзлый, съ лицомъ въ кулачекъ, да еще пьяный, съ краснымъ носомъ и вспухшими глазами...

Все въ головѣ у меня перепуталось. Злоба въ сердцѣ еще кипить, а сказать уже ничего не могу. Всѣ слова выскочили изъ головы, только смотрю на мамашу и глазами моргаю. А мамаша еще издѣваются:

— Что, говорять, хорошъ?.. Пьянствуй больше, такъ, авось, Любка и въ самомъ дѣлѣ заведетъ себѣ любовника! И я нисколько не удивлюсь этому!..

Въ томъ, что онѣ сказали, можетъ и не было ничего ужаснаго, но слѣдуетъ принять во вниманіе мою душу истерзанную и притомъ еще пьяную, чтобы понять, каково мнѣ было слышать эти слова. Хотѣлъ я имъ объяснить, что и пьянствовать-то я сталъ только потому, что Любовь Ивановна пренебрегаютъ мной—но не могъ выдать изъ себя ни одного слова. Въ груди что-то горячее ходуномъ заходило и въ горлѣ словно колъ застрялъ. Только замычалъ я, совсѣмъ по звѣриному, и бросился вонъ изъ дому...

XI.

Пока я бѣжалъ по двору къ своему флигелю—въ головѣ, какъ молотомъ, стучало: «Это кончить надо!». А что кончить и какъ—одному Богу было извѣстно...

Точно бѣшенный, ворвался я къ себѣ въ домъ—и прямо къ спальнѣ Любови Ивановны. Хочу дверь открыть—дверь заперта, на замокъ и на задвижку. Забылъ я въ ту минуту, что самъ-же наказывалъ имъ запирается отъ меня, чтобы грѣха какого не вышло—и злоба во мнѣ пуше прежняго разгорѣлась. «Презираютъ меня!—думаю:—Запираются, какъ отъ злодѣя какаго! Точно и вправду—не жена онѣ мнѣ и я имъ не мужъ!.. Хорошо-сь! Сейчас увидимъ, кто я имъ такой!..»

Дернулъ я дверь разъ, другой. Слышу, Любовь Ивановна спрашиваютъ:

— Это вы, Кирилла Ивановичъ?..

— Кому же еще быть!—отвѣчаю:—Отворяйте, что-ли!..

— Зачѣмъ вы такъ, Кирилла Ивановичъ? Что вамъ нужно?..

— А вотъ узнаете!..

Примолкли онѣ тамъ, а потомъ тихонько, жалобно такъ говорятъ, должно быть, очень ужъ испугались:

— Опомнитесь, Кирилла Ивановичъ. Я васъ боюсь...

Засмѣялся я.

— А вы не бойтесь, Любовь Ивановна. Не убью васъ и не съѣмъ-сь! Небось, кого другого пустили-бы къ себѣ въ спальню безъ страха, а супруга законнаго боитесь?.. Открывайте, говорю вамъ!..

Опять у нихъ тамъ стало тихо-тихо. Слышу—тихонько плачутъ.

— Не открою,—говорятъ и всхлипываютъ, какъ малое дитя.

— А,—говорю,—если такъ, то ужъ не взыщите!..

Человѣкъ я слабый, хилый, какъ посмотрѣть на меня, а тутъ—откуда и сила взялась. Нажалъ я на дверь разъ и другой—и затрещала дверь, вотъ-вотъ съ петель соскочить. Вскрикнули Любовь Ивановна, заметались по комнатѣ, подбѣжали къ двери.

— Что вы дѣлаете, Кирилла Ивановичъ,—говорятъ съ рыданіемъ:—Побойтесь Бога, если Онъ есть у васъ въ сердцѣ!..

— Былъ-сь, да весь вышелъ!—говорю:—Кому, кому, а ужъ не вамъ Бога-то поминать!..

И спять на дверь напирваю.

Слышно было, какъ онѣ босыми ножками отбѣжали отъ двери и платьемъ зашелестѣли. А какъ дверь снова затрещала—онѣ слезно стали просить:

— Подождите, сейчасъ открою. Только одѣнусь...

Да я не сталъ ждать, а собрался со всею силою, что только было во мнѣ, и навалился на дверь. Замокъ лопнулъ, задвижка съ гвоздями выскочила—и дверь распахнулась...

Понималъ я тогда только одно—что надо мнѣ съ Любовью Ивановной что-то кончить, разъ навсегда разрубить узелъ какой-то, а какъ и что сдѣлать—объ этомъ у меня никакого понятія не было. И зачѣмъ я ломился къ нимъ въ спальню, что я хотѣлъ имъ сказать—ничего этого я не зналъ, и все рѣшилось тогда, когда я ихъ увидѣлъ...

У нихъ въ спальнѣ горѣлъ на кругломъ столикѣ у постели маленькій ночничекъ съ темнозеленымъ стекломъ, и въ слабомъ свѣтѣ его сначала я ничего не могъ рассмотреть. Вижу только, что постель пуста, и Любови Ивановны какъ будто въ комнатѣ и нѣтъ. Только взглянувъ въ полумракъ, увидѣлъ ихъ недалеко отъ себя. Онѣ

стояли, прижавшись къ углу, въ одной рубашечкѣ, закрыли руками грудь и смотрѣли на меня съ такимъ ужасомъ, какъ будто я, «этакой сморчекъ»—какъ сказали обо мнѣ Варвара Ивановна, въ самомъ дѣлѣ могъ имъ быть страшень...

Взялъ я со стола ночничекъ, поднялъ надъ головой, освѣтилъ ихъ—и самъ задрожалъ съ головы до ногъ. Увидѣлъ я ихъ плечики, ручки, ножки маленькія, точно дѣтскія, умилительно трогательныя и вмѣстѣ съ тѣмъ—дурманящія голову, зажигающія кровь. И получила отвратительная, подлая, гнусная исторія...

Подошелъ я къ нимъ, крадучись, какъ кошка къ мышкѣ, взялъ ихъ за ручку,—а онѣ заплакали и всѣ дрожали, какъ листокъ осинный. А я ужъ себя не помнилъ. Опустился къ ихъ ножкамъ, цѣловалъ, ласкалъ ихъ, какъ двухъ маленькихъ, нѣжныхъ птичекъ, плакалъ и говорилъ:

— Полюбите меня, Любовь Ивановна. Пожелайте—утромъ удавлюсь, только не гоните меня отъ себя сейчасъ. Погибаю я по васъ, какъ есть весь измучень. Псу смердящему—и то съ господскаго стола попадаютъ кусочки жирные,—неужто же мнѣ отъ другого съ васъ ничего не достанется?..

Любовь Ивановна все дрожали и плакали. И руками все отталкивали меня отъ себя, повторяя:

— Уйдите, Кирилла Иванычъ... Оставьте меня, ради Бога...

— Не уйду!—сказалъ я рѣшительно, сразу обозлившись:—Довольно съ меня этого мученія!..

И всталъ съ полу и взялъ ихъ за плечики бѣлыя и поцѣловалъ въ уста сахарныя. А у Любови Ивановны вдругъ глазки закрылись, головка склонилась къ плечу, и успѣли онѣ только прошептать:

— Не губите...

И упали безъ чувствъ мнѣ на руки...

Подхватилъ я ихъ и понесъ,—куда, зачѣмъ—и самъ не понималъ. Какъ почувствовалъ въ своихъ рукахъ ихъ тѣло нѣжное—такъ и разсудка совсѣмъ лишился... И ужъ дальше ничего не помню. Все точно мракомъ покрылось...

Послѣ этого Любовь Ивановна уже не вставали съ постели. У нихъ давно уже развивалась чахотка, оттого и были онѣ такія блѣдныя и слабенькія, а послѣ той ночи пошла у нихъ горломъ кровь и смертельная болѣзнь сразу опредѣлилась.

Три дня онѣ лежали лицомъ къ стѣнѣ, завернувшись въ шаль—и ни слова, ни слезы—ничего. Не ѣли, не пили, точно умерли... И никто не зналъ, что съ ними приключилось, только мнѣ одному было извѣстно. А я никому не могъ сказать объ этомъ. Это было дѣло наше, промежду мной и Любовью Ивановной—и никто не можетъ насъ судить. Только одному хотѣлъ я все это рассказать, тому, кто стоялъ между мной и моей женой. Да не знаю я, кто онъ. Такъ до сего дня и не знаю...

А Любовь Ивановна помирають...

Вл. Ленскій.

Миніатюры.

Соч. Аркадія Селиванова.

Корабль юныхъ.

Раннимъ розовымъ утромъ къ учителю пришли юноши, бодрые и сильные, бережно взяли его подъ руки и повели къ морю.

— Вотъ,—сказали они,—ты видишь, мы оснастили свой корабль, крѣпокъ руль его и бѣлоснѣжны паруса. Черезъ часъ мы поднимемъ ихъ и уйдемъ далеко, далеко отъ темной и грѣшной земли. Трюмъ корабля полонъ грузомъ надеждъ, и вѣтеръ желаній достаточно крѣпокъ. Просимъ тебя, учитель, взойди на корабль нашъ и поплывемъ вмѣстѣ.

Покачалъ головой мудрый старецъ и тихо отвѣтилъ:

— Плывите безъ меня и безъ моей маленькой правды: на землѣ нѣтъ океана безъ берега.

Купецъ человѣческій.

Однажды по широкой людной дорогѣ шель учитель и тихо бесѣдовалъ со своими учениками. Съ тѣхъ поръ, какъ свѣтитъ солнце, на землѣ принято, чтобы тотъ, кого зовутъ учителемъ, не зналъ вопросовъ, и на устахъ его были вѣчные отвѣты. Такъ было и на этотъ разъ.

— Скажи намъ, учитель, кто изъ купцовъ человѣческихъ самый сильный и самый богатый?

— Тотъ, кто поборолъ одного изъ своихъ демоновъ и торгуетъ теперь самымъ дорогимъ товаромъ по самой дешевой цѣнѣ.

Умолкли вопрошавшіе, но на лицахъ ихъ было прежнее недоумѣніе. Тогда учитель указалъ имъ на нищаго, сидѣвшаго при дорогѣ.

— Вотъ тотъ, о комъ вы спрашиваете. Этотъ человѣкъ поборолъ въ себѣ демона стыда и теперь продаетъ вамъ милость неба за мѣдную монету. Ему не грозитъ разореніе, ибо много еще покупателей.

Нищій услышалъ слова учителя, поднялъ опаленную солнцемъ голову и вздохнулъ:

— Увы, я завидую тебѣ, торгующій мудростью!..

Мечи и головы.

Пришли къ нему юные, чистые, пришли къ нему наивные.

— Мы люди и живемъ на землѣ. Мы ищемъ справедливости. Укажи намъ дорогу.

— Я лучше расскажу вамъ маленькую сказочку про одного грознаго царя. Услышалъ онъ однажды о мудромъ старцѣ и велѣлъ привести его къ себѣ. И когда старый и дряхлый отшельникъ стоялъ передъ нимъ, царь сказалъ:

— Научи меня справедливости.

Усмѣхнулся въ отвѣтъ старикъ и, не сказавъ ни слова, повернулся и вышелъ изъ дворца.

Разгнѣвался царь, выхватилъ свой мечъ, догналъ старика и отрубилъ ему голову. И когда въ пыли, у ногъ царя, валялась мертвая сѣдая голова, онъ толкнулъ ее ногой, бросилъ мечъ и съ прежнимъ вопросомъ заглянулъ въ мертвыя очи.

Тихо поднялись желтыя вѣки, шевельнулся окровавленный языкъ, и царь услышалъ:

— Такъ-то... Пока у меня была голова, а у тебя твой мечъ, мы оба не знали ничего о справедливости.

Незнающій милости.

Жилъ одинъ царь, жестокой, незнающій милости, и однажды его разгнѣвали рабы. Пламя злобы охватило душу царя, и неутолимая жажда мести прогнала его сонъ. Дрожащей рукой сжималъ онъ рукоятку меча и, вперя въ ночной мракъ горящія очи, до утра обдумывалъ страшное дѣло, отъ котораго содрогнулась-бы земля.

Когда въ окна дворца заглянулъ кроткій разсвѣтъ, въ душѣ разгнѣваннаго царя созрѣло злое рѣшеніе: тихо, не будя слугъ, спустился онъ въ дворцовый садъ. Узкой тропинкой среди цвѣтущихъ магнолій, вышелъ на дорогу, приблизился къ сидящему у камня, умирающему отъ голода, прокаженному и молча положилъ въ его деревянную чашку горсть золотыхъ монетъ,—цѣлое богатство, котораго хватить на долгую жизнь.

Легче стало царю, но все еще душа его не насытилась мезтью. Тогда онъ вернулся въ свой дворецъ, призвалъ къ себѣ юнаго поэта и похвалилъ его стихи.

Страницы жизни.

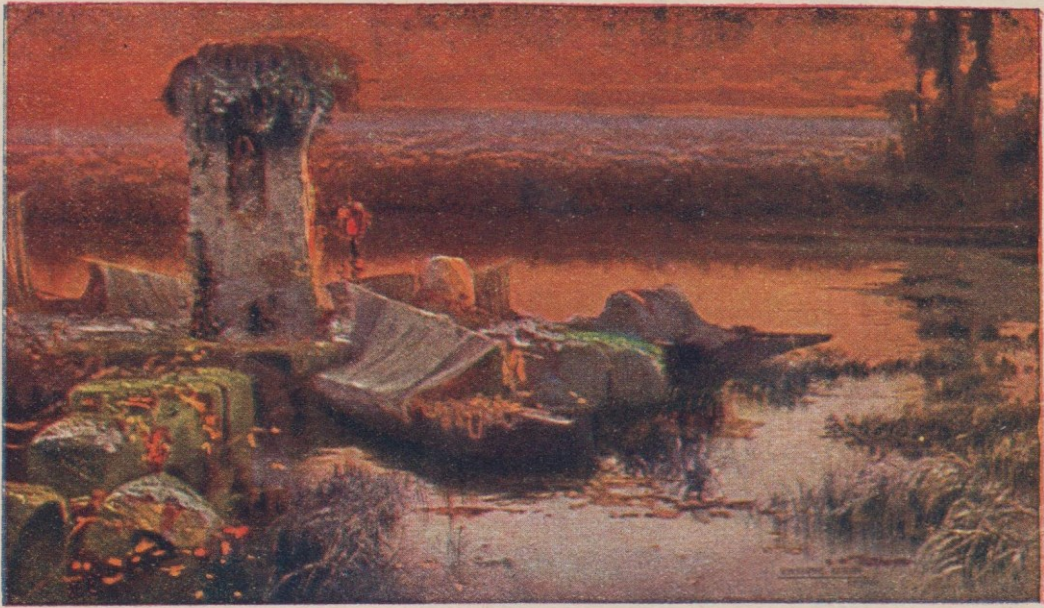
Они приходили къ нему утромъ и вечеромъ, въ день радости и въ день печали, стройные, съ цвѣтами надежды въ саду души и согбенные подъ тяжестью горя. Собирали желтыя надорванныя страницы и одѣвали ихъ въ красивыя одежды изъ сафьяна и шелка. На длинныхъ полкахъ становились тѣсными рядами книги старца, и мудрыя слова ихъ берегли тяжелыя бронзовыя застѣжки.

Прилежно работали ученики, а учитель подходилъ къ нимъ съ доброй улыбкой, и въ усталое сердце тихонько стучалась шутка старца:

— Если вы уже родились съ вѣрой въ эту жизнь, то постарайтесь и умереть, вѣря въ будущее. Если бѣдна и скучна была книга вашей жизни, то позаботьтесь хотя объ ея красивомъ переплетѣ.

Арк. Селивановъ.

Энр. Серра.

НА ТИБРЬ.

НА ЗАРЬ.

На зарь я увидѣлъ ее надъ рькой,
На зарь огневой;
И была вся въ цвѣтахъ ароматныхъ она,
Красокъ утра полна.
Тихо-тихо брела, раздвигая кусты,
Обвиваясь косою,
И сверкали въ рукъ ея нѣжной цвѣты
Изумрудной росой.
Отражались въ очахъ ея блески рьки,
И были глубоки
Эти очи, сокрывшія въ глуби своей
Столько тайныхъ огней!
Нѣжно плъла она—и серебряный звонъ
Трепеталъ надъ рькой...
Это видѣлъ я чудный, чарующій сонъ
На зарь огневой...

Евгеній Яновскій.

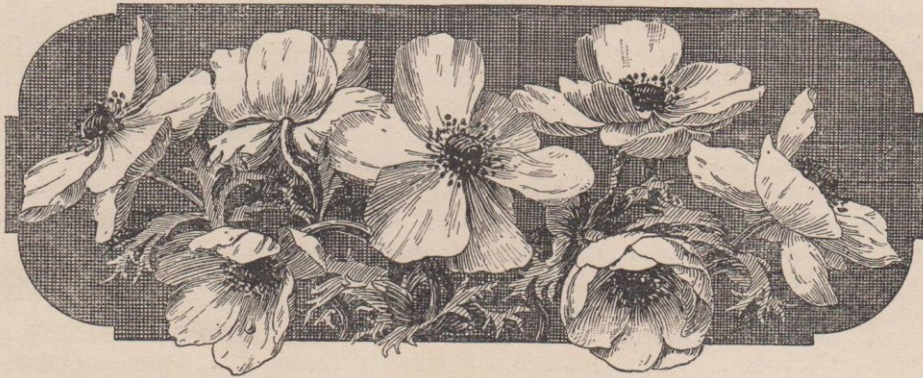

ВАСИЛІЙ СТЕПАНОВИЧЪ КУРОЧКИНЪ.

Извѣстный русскій поэтъ-сатирикъ и переводчикъ.

Къ 40-лѣтію со дня смерти.
1875—1915.

У д а ч а.

Разсказь Н. С. Баранцевича.

I.

Въ лѣсу чуть перепархиваль маленькій снѣжокъ. Деревья стояли въ какомъ-то напряженномъ молчаніи, словно вотъ-вотъ готовились зашумѣть голыми верхушками, и въ ихъ молчаніи, и въ тишинѣ запорошеннаго снѣгомъ лѣса чудилось что-то сдержанное, какой-то невыясненный звукъ, похожій на кряхтѣнье... Восточная часть неба розовѣла отблескомъ скрытаго тучами солнца, западная густофіолетовая, постепенно погружалась во мракъ, и казалось, что тамъ, на западѣ, гдѣ-то далеко, далеко, въ селахъ и городахъ, должны были быть зажжены огни...

Постепенно морозило, какъ обыкновенно бываетъ къ вечеру, и сухой, мелкій снѣгъ подъ ногами трусившей по болоту деревенской лошади похожъ былъ на сахарный песокъ.

Лошадь была вороная, съ шелудивой, покрытой пятнами навоза, шерстью, съ облѣзшимъ хвостомъ и всклокоченной въ колтунъ гривой. Въ мѣстахъ, гдѣ снѣгъ былъ поглубже и на подъемахъ, она съ видимымъ усиліемъ встаскивала дровни съ широкимъ, нарочно продѣланнымъ изъ еловыхъ жердей, переплетомъ.

Хозяинъ, Кузьма Терентьичъ, небольшого роста, среднихъ лѣтъ рыжій мужикъ, съ лоснящимся краснымъ лицомъ и съ узенькими, ушедшими въ щелки, сѣрыми глазами, въ черномъ изъ грубой шерсти охабнѣ поверхъ измызаннаго, коротенькаго полушубка, отвалившисьъ спиной на рогоженный, набитый сѣномъ и еще чѣмъ-то, кулекъ, сидѣлъ въ охапкѣ сѣна. Руки его, короткія, въ мозоляхъ и корявыя были въ безпрестанномъ движеніи: то безъ особой нужды дергалъ веревочныя, намокшія и застывшія на морозѣ вожжи, то со лба на затылокъ, и обратно, сдвигалъ изорванную, съ торчавшей ватой, плисовую съ опушью изъ кошачьяго мѣха шапку.

— Но, но!—хриплымъ, простуженнымъ и недовольнымъ голосомъ покрикивалъ на лошадь Кузьма, затѣмъ заволакивалъ глаза, глубже откидывался на рогоженный кулъ и предавался дремотѣ. Лошадь трусила по болоту, разсыпая снѣгъ, скользя лѣтними, глад-

кими подковами по синѣвшему изъ-подъ снѣга льду, тоненькія оглобли-жерди поскрипывали, тоненькая домашняя дуга качалась изъ стороны въ сторону. Съ широкаго болота доносился по вѣтру жалобный шелестъ торчавшей желтой, высокой щетиной осоки, и въ шумѣ разбрасываемаго лошадиными ногами сыпучаго снѣга, и въ скрипѣ оглобелей, и въ шелестѣ осоки было столько грустно-щемящаго, что хотѣлось запѣть такую-же грустную, щемящую душу, пѣснь. Но мужикъ не пѣлъ и не хотѣлъ пѣть. Онъ только шлерхаль носомъ, сопѣлъ и недовольно покрикивалъ на слабосильную, худо кормленную лошаденку:

— Но... но... лѣшій тебя задави!

Онъ не то что торопился, а просто ѣхалъ домой въ село, откуда выѣхалъ съ «товаромъ» съ недѣлю тому назадъ въ городъ. «Товаръ» были собственноручно сплетенныя изъ еловыхъ прутьевъ корзины, «товаръ» дешевый, совсѣмъ бросовый... Выручилъ онъ за него всего около 15 рублей за цѣлый возъ корзины, изъ нихъ прохарчился, а главнымъ образомъ пропили больше четырехъ рублей, и везъ домой 10 съ чѣмъ-то рублей.

Какъ настоящему номаду, ему было рѣшительно все равно, когда пріѣхать домой, поэтому онъ не особенно торопился, по шоссе въ каждой деревнѣ приворачивая свою шелудивую лошаденку къ чайной, гдѣ, путемъ краткихъ, выразительныхъ и таинственныхъ переговоровъ, пріобрѣталъ «сотку», а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и сороковку.

Кузьма не прислушивался ни къ сдержанному, напряженному молчанію деревьевъ, ни къ поэтическому грустью-щемящему шелесту прошлогодней, желтой осоки,—мысли, мелькавшія въ его головѣ, были самыя прозаическія мысли о «соткѣ», о закускѣ кусочкомъ рубца, или тешки, и только смутно, налетомъ, мелькали въ ней мысли о двухъ заморышахъ-дѣвченкахъ шести и восьми лѣтъ, о сварливой, тощей, желтой, съ пергаментнымъ лицомъ, женѣ Лукерьѣ.

Онъ зналъ, что жена встрѣтитъ его хмуримъ, недовольнымъ взглядомъ, ничего не спроситъ о получкѣ, но жадно заглянетъ въ кошель, и этимъ напомнитъ ему давнишнюю просьбу купить «ситчику» на платье... А «ситчику»-то вотъ и нѣтъ!—думалъ про себя мужикъ,— «ситчикъ»-то... фьюить... въ чайныхъ да на постоялыхъ оставлень... Такъ-то оно, милъ другъ Лукерьюшка! О «ситчикѣ» вдругорядъ подумаемъ!.. А теперь—ау «ситчикъ»! Кузьма свистнулъ и задергалъ вожжами:

-- Но, но, холера!..

II.

Сзади кто-то нагонялъ. Не особенно быстро, а нагонитъ лошадь такъ, что слышны даже храпъ и дыханіе, и затѣмъ поотстанетъ настолько, что не слышать ни лошадиного храпа, ни свиста разбрасываемаго копытами сыпучаго снѣга.

Кузьма прислушивался, подремывалъ, очухивался и опять прислушивался. Лѣсъ все тянулся: рѣдины смѣнялись чащей, и опять рѣдины и опять чаща, желтая осока монотонно все шелестѣла, и было такъ опустошенно-скучно, и такъ хотѣлось забраться куда-нибудь въ тепло, закутаться и заснуть...

И страшно и надоѣдливо было это нагонянье сзади, точно кто дурилъ, озорничалъ и посмѣивался...

Кузьма рѣшительно натянулъ вожжи и остановилъ Воронка.

Сзади тоже остановились, и чей-то силпый, съ перепоя, голосъ крикнулъ:

- Ну, ну, чего тамъ!
- А ты чего?—огрызнулся Кузьма.
- Трогай, что-ли!
- Обгоняй, коли охота!
- Гони!
- Самъ гони!

На минуту наступило молчаніе. Никто не хотѣлъ уступать. «Вотъ еще дьяволь!—думалъ Кузьма,—нагоняеть, а обогнать не хочеть! Дурова голова! Откуда такой лѣшій?»

И, заинтересовавшись «лѣшимъ», Кузьма выпросталъ ноги изъ сѣна, не безъ труда вылѣзъ изъ переплета дровней и по глубокому, достигавшему колѣнъ снѣгу пошелъ назадъ.

Въ легкія «бѣговія» санки была запряжена тоже вороная лошадь съ бѣлыми пятнами на обѣихъ переднихъ ногахъ. Въ саняхъ, поднявъ воротникъ охабня и запрятавъ въ него голову такъ, что торчали только носъ и рыжіе усы, сидѣлъ, не шевелясь, какъ изваяніе, мужикъ. Но Кузьма и по носу и по усамъ, а пожалуй, не столько по носу и усамъ, сколько по лошади, узналъ въ мужикѣ Можжухинскаго сельскаго старосту.

— Потапъ Селиверстычъ! — дружескимъ тономъ воскликнулъ онъ,—ты это чего же?

— А чего?—отвѣчалъ тотъ, еще пуще зарываясь въ воротникъ.

— Чего голосу не подаешь?

— А чего тебѣ подавать! Что ты становой, что-ли? Ишь, тоже расфуфырился.

— Полно тебѣ, кумъ!

— То-то «кумъ». Теперь, небось, кумъ! А то «гони»!.. Тоже... подумаешь! Ну, садись, коли что.

— «Садись»! У меня лошадь! Да и тѣсно вдвоемъ на твоихъ бѣгункахъ! Садись, Потапъ Селиверстычъ, ко мнѣ: уважь!

— За «уваженіе» деньги берутъ!

— Ладно, у тебя ихъ и такъ много!

— Эхъ ты, голова съ мозгами! Много, да не свои!

— Какія же такія?

— Мало-ли какія! По обществамъ ѣздиль, подати собиралъ, да недоимки...

— Вижу, что много ѣздиль!

— Что ты видишь, голова съ мозгами?

— Да ладно ужъ! Пересаживайся, что-ли! У меня вольготно, свободно! Полеживай себѣ!

— И то пересяду! Скучно такъ-то! Позвонимъ малость!

— Ты, Потапъ Селиверстычъ, по всей округѣ первый звонарь!

Потапъ Селиверстычъ, почтенный отзывомъ кума, самодовольно крякнулъ и началъ вылѣзать изъ саней. Кузьма привязалъ его лошадь къ задку.

— Жестко тутъ у тебя, Кузьма!—пожаловался староста, разваливаясь на дровняхъ.

— А я вотъ отъ тебя сѣнца возьму да подложу, будетъ мягче!—угодно заговорилъ Кузьма, и лицо его еще больше залоснилось, а сѣрые, хитрые, бѣгающіе, какъ мыши, глазки еще глубже ушли въ свои щелки.

Изъ бѣговыхъ санокъ Кузьма принесъ цѣлую охапку сѣна и подсунулъ ее подъ бока Потапа Селиверстыча.

— Такъ-то лучше будетъ!—сказалъ онъ, усаживаясь рядомъ съ кумомъ,—но, но, холера!

Воронокъ нехотя тронулся съ мѣста.

III.

И опять потянулись безмолвныя, снѣговья, съ высоко торчавшей желтой осокой, болота и безмолвныя сосны и хмурыя, словно окутанныя трауромъ, ели. И свистъ сухого снѣга подъ ногами лошадей, и сливавшійся съ нимъ, казавшійся такимъ таинственнымъ въ мертвомъ покоѣ пустыни шелестъ осоки—клонили ко сну.

Плотно прижавшись другъ къ другу, нахлобучивъ на самые глаза шапки, пріятели дремали, раскрывая глаза на ухабахъ, и сонно, нелѣпо тараща ихъ по сторонамъ.

— Смеркается!—въ одинъ изъ такихъ моментовъ замѣтилъ Кузьма.

— Чего?

— Смеркается, говорю!

Потапъ Селиверстычъ плотнѣе нахлобучилъ на уши шапку и нырнулъ въ свой толстый, стоящій копромъ охабень.

— Скоро огоньки зажгутъ въ деревнѣ-то!—словно сквозь дрему продолжалъ Кузьма,—а вонъ Осьминкино.

— Ну?

— Вѣрное слово Осьминкино! Версты двѣ, или три не больше.

— Скоро, значить, пріѣдемъ!

— Я-то пріѣду, а тебѣ, Потапъ Селиверстычъ, еще придется помотаться.

— Немного: двѣнадцать верстъ всего!..

— Не много, да и не мало! Но, холера, шевели ногами-то, чего тамъ!

Концомъ вожжей Кузьма ударилъ по костистому крупу клячи, потомъ, какъ-бы возбужденный внезапно мелькнувшей въ головѣ мыслью, выпрямился, пріосанился, поправилъ шапку...

— Въ Осьминкино безпремѣнно надо-бы заѣхать!—сказалъ онъ.

— Зачѣмъ?—тускло, безразлично отозвался Потапъ Селиверстычъ.

— Къ Емельяновнѣ завернуть.

— Все еще поторговываетъ?

— Торгуетъ, слава Тебѣ, Господи! Новый домъ все строила... на новоселье звала!

— Быль?

— Не приходилось... На новоселье нужно-бы чего-нибудь свезти, а съ чего тутъ...

И, внезапно озлившись, онъ снова и еще сильнѣе ударилъ концомъ вожжей по крупу лошади.

— А вотъ я везу домой гостинца, такъ можно кое-что удѣлить!—пробормоталъ Потапъ Селиверстычъ.

— Такъ заѣдемъ?—также внезапно оживился Кузьма,—она насъ приметъ во какъ!.. Она не то, чтобы какая... она баба обходительная, съ понятіемъ то-жъ... Не то что дуреха какая деревенская...

— Чего расхваливаешь-то? Чего языкомъ свербишь? Безъ тебя знаемъ! Приворачивай, знай!

— Такъ приворачивать?—совсѣмъ уже восторженно спросилъ Кузьма.

— Приворачивай, голова съ мозгами!..

— Эхъ, ми-ла-ай!.. Потапъ Селиверстычъ! Кумъ!—въ порывѣ неизъяснимаго лиризма воскликнулъ Кузьма и слегка привалился бокомъ къ неподвижной, словно окаменѣлой тушѣ пріятеля,—ми-ла-ай! Не выпьешь—не живешь, такая ужъ наша участь безталанная! Кому что! Кому достатки, сытость, значить, приволье, жизнь хорошая, а намъ—водка! Вѣрно, говорю, Потапъ Селиверстычъ!

— А ты, все-таки, поменьше бражничай-бы,—наставительнымъ тономъ замѣтилъ Потапъ Селиверстычъ,—не годится такъ-то! безперечь! Этакъ-то совсѣмъ хозяйства лишишься!

— Какое мое хозяйство!—горестнымъ тономъ воскликнулъ Кузьма,—рваныхъ онучей—куча, а животовъ, слышь: съ десятокъ таракановъ, да мышь!

— Хо, хо, хо!—раскатился Потапъ Селиверстычъ,—ишь что удумаль, ѣдятъ-те мухи! Ловко, нечего сказать, ловко!

— Тебѣ смѣяться-то ловко! У тебя домъ—весь горбомъ! Помѣщикъ—одно слово! Ты и выпить можешь сколько твоей душенькѣ полагается! Чтѣ тебѣ!

— Ну, выпить-то тоже не очень! Чего зря болтать! Человѣкъ я казенный, самъ знаешь, нужно себя въ аккуратѣ держать!

— Оно конечно!—промямлилъ Кузьма,—потому, значить, какъ ты староста, и все такое... Оно конечно!

— То-то и оно!—совсѣмъ уже важнымъ тономъ заговорилъ Потапъ Селиверстычъ:—казенныя суммы самъ знаешь, сохрани, Господи, и помилуй!..

— Да оно... того... конечно!—продолжалъ мямлить Кузьма, то закрывая свои маленькіе глазки, то снова ихъ открывая.

— Случается не токмо десятки тамъ, или сотни, а и тысячи возить!

— Неужто тысячи?—ахнулъ Кузьма.

— А что ты думаешь? Да я вотъ и сегодня везу безъ малаго тысячу!..

— Господи Иисусе Христе!—прошептала Кузьма, закатывая въ щелки орбиты маленькіе глазки, и съ судорожной суетливостью держала вожжи,—Господи Иисусе Христе!

IV.

Было совсѣмъ темно. Въ Осминкинѣ кое-гдѣ по избамъ, подобно волчьимъ глазамъ, горѣли огоньки.

Просторная изба Емельяновны, на краю деревни, стояла совсѣмъ темная, но когда къ воротамъ съ раскатомъ подкатили сани Кузьмы, въ одномъ изъ оконъ затеплился огонекъ.

— Стучи въ ворота!—приказала Потапъ Селиверстычъ,—спитъ она, что-ли?

— Зачѣмъ стучать!—тихо отозвался Кузьма,—ишь огонь засвѣтила! Сама слышитъ! Привычная!

За воротами послышались шаги. У калитки щелкнула щеколда, и въ образовавшееся отверстіе просунулась голова женщины въ платкѣ.

— Свои, Емельяновна, свои!—успокаивающимъ тономъ заговорилъ Кузьма.

- Кузьма Терентьичь никакъ?
- Онъ самый... съ товарищемъ! Веди скорѣе въ избу-то.
- А этотъ кто?
- Староста.
- Староста?

Рука Емельяновны начала, напирая, понемногу прикрывать калитку.

— Полно тебѣ дурака-то валять!—разсердился Кузьма, силою оттирая бабу,—Мозжухинскій староста со мною!

Кузьма черезъ калитку вошелъ во дворъ и началъ снимать засовъ. Тѣмъ временемъ темная женская фигура шмыгнула на крыльцо и исчезла.

— Потапъ Селиверстычъ, заснулъ, что-ли?—окликнулъ Кузьма, вводя подъ уздцы лошадь во дворъ.

— Ничего не заснулъ!—соннымъ голосомъ отозвался староста,—пріѣхали, что-ли?

— Пріѣхали, пріѣхали! Сейчасъ въ тепло! Сейчасъ намъ по рюмочкѣ, закусочку Емельяновна сварганить! Яишеньку съ лучкомъ...

— Яишеньку? Что-же, это можно!..

Въ избѣ попрежнему тускло свѣтилось только одно окно.

Кузьма привязалъ обѣихъ лошадей къ яслямъ и кинулъ имъ по охакѣ сѣна. Потапъ Селиверстычъ выпросталъ изъ дровней затекшія ноги и, грузно переступая съ одной на другую, старался ихъ согрѣть.

— Пойдемъ, пойдемъ, кумъ, въ избу! Тамъ ужъ мы какъ слѣдуетъ расположимся,—продолжалъ юлить около старосты Кузьма...

— Постой-ко-съ!—вдругъ спохватился Потапъ Селиверстычъ, и съ тревогой на лицѣ началъ шарить за пазухой,—ну, пойдемъ, пойдемъ!

И лицо его изъ испуганнаго сдѣлалось благодушнымъ, все расплылось въ широкой, самодовольной улыбкѣ.

Поднявшись на крыльцо, Кузьма кулакомъ толкнулъ дверь. Она открылась, обнаружила въ темномъ пространствѣ холодныхъ сѣней закутанную въ платки фигуру женщины.

— Емельяновна, ты, что-ль?—весело окликнулъ Кузьма.

Емельяновна схватила его за руку и потянула къ себѣ.

— Иди, иди!—зашептала она, вталкивая его и Потапа Селиверстыча въ темную каморку безъ оконъ, похожую на кладовку.

— Бойся, баба!—разсмѣялся Потапъ, впотѣмахъ спускаясь на что-то, похожее на сундукъ,—давай свѣтъ! Чего тамъ!

Емельяновна появилась со свѣчей и поставила ее на столъ. Тусклый, желтый свѣтъ озарилъ увѣшанныя разнымъ хозяйскимъ скарбомъ стѣны кладовки.

— Ты что же это насъ куда запихала? —спросилъ Кузьма, снимая охабень и бросая его въ пустой уголь.

— Урядникъ шляется, ни дна-бы ему, ни покрышки!—отвѣчала баба,—посидите малость, закусите спервоначала, онъ домой уйдетъ...

Быстрымъ движеніемъ изъ какого-то невидимаго вмѣстилища она достала бутылку водки, два стаканчика толстаго, зеленого стекла и деревянную тарелку съ солеными огурцами.

— Ты что насъ огурцами-то? —заговорилъ Кузьма, — что за угощеніе такое? Яишеньку-бы намъ, да съ лучкомъ.

— Сейчас, сейчас будетъ и яишенька, и рыбка! Говорю, спервоначала!—съ порога откликнулась Емельяновна и скрылась.

— Ну, что-жь, спервоначала, такъ спервоначала! Давай, кумь, дерябнемъ!—потянулся Потапъ Селиверстычъ къ бутылкѣ:—а гдѣ у ней эта самая...

— Что? Пробка, Потапъ Селиверстычъ?

— Какая тамъ пробка! Агашка, дѣвка была у ней такая остроглазая...

Кузьма закинулъ голову, и его маленькіе, бѣглые глазки совсѣмъ ушли въ орбиты.

— Есть! При ней. Ну, что-жь, будь здоровъ, Потапъ Селиверстычъ.

— На здоровье!

Оба зеленыхъ стаканчика стукнулись со звономъ. Пріятели крякнули, закусили по кусочку огурца. Отъ висѣвшаго на стѣнѣ хлама въ пролетахъ, замѣнявшихъ оконные, и по потолку тарачились чудовищно-корявые, безобразныя тѣни.

Пріятнымъ огонькомъ водка прошла по желудкамъ пріятелей. Захотѣлось повторить, и они повторили, и тогда кладовка уже не стала казаться имъ такой холодной и непривѣтливой, какъ раньше.

Дверь быстро отворилась, и въ образовавшееся пространство показалось милостивое лицо дѣвушки въ красномъ платкѣ на головѣ.

— Агаша!—крикнулъ Потапъ Селиверстычъ, поднимаясь навстрѣчу,—ты это что? За нами, что-ль?

— За вами, Потапъ Селиверстычъ!—отвѣчалъ пріятный, грудной голосъ,—пожалуйте въ горницу, яишеньку кушать!

— Сама ты лучше всякой яишеньки!—воскликнулъ староста, и ринулся къ дѣвушкѣ съ широко разведенными руками, но дверь передъ самымъ его носомъ захлопнулась, и въ сѣняхъ только мягко шелестуло платье красавицы.

— Вывернулась, словно ящерица!—замѣтилъ Потапъ.

— Не вывернется! Погоди, дай сроку!—многозначительно мотнулъ Кузьма головой.

У обоихъ лица были красныя, въ осоловѣлыхъ слегка глазахъ поблескивалъ игривый огонекъ.

V.

Была глухая ночь. Пріятели, пошатываясь, сходили съ крыльца. Потапъ Селиверстычъ находился въ состояніи какого-то блаженнаго обалдѣнія. На губахъ онъ еще ощущалъ горячіе поцѣлуи Агашы, хотя помнилъ въ то же время, что изъ толстаго бумажника на груди, въ которомъ хранились собранныя деньги, отдалъ красавицѣ синенькую.

— Охъ, Господи, грѣхи наши тяжкіе!—вырвалось у него при этомъ воспоминаніи, и сознаніе того, что деньги эти не его, а общественныя, разсердило его.

— Ты чего-жь тамъ копаешься?—крикнулъ онъ по направленію къ санямъ, гдѣ торчала фигура Кузьмы.

— Сейчасъ!—недовольнымъ тономъ отозвался тотъ.

Въ душѣ у него закралось и расло негодованіе противъ пріятеля. Все время Потапъ или относился покровительственно, или посмѣивался надъ кумомъ, надъ его мечтами о «ситчикѣ», дразнилъ женою.

— Эхъ, Кузьма, пусти ты ее къ лѣшему, холеру-то свою! Вонъ какія крали на свѣтѣ есть!

И онъ притягиваль къ себѣ за платье Агашу и обнималь ее.

— Есть-то есть, да не про нашу честь!—пробоваль отшутиться Кузьма.

Но злоба закипала у него на сердцѣ, и отъ этой злобы проходила хмель. Тогда онъ пилъ снова. На минуту отуманивалось сознание и, въ состояннн безразличія, Кузьма принимался пѣть, подтягивая Потапу, тоже лѣзъ къ Агашѣ, получая отъ нея увѣсистые шлепки, одинъ разъ попробоваль даже сплясать, но новая насмѣшка Потапа, и опять злоба закипала на сердцѣ...

Потапъ Селиверстычъ спустился съ крыльца, сдѣлаль нѣсколько нетвердыхъ шаговъ, покружилъ по двору и снопомъ повалился на дровни.

— Вези!—коснѣющимъ языкомъ пролепеталь онъ,—вези, что-ль!

— Куда везти-то?

— Къ себѣ вези! Я домой не хочу!

— Жены, небось, испугался?—тономъ превосходства спросилъ Кузьма.

— Вези!—пробормоталь начавшій засыпать Потапъ,—ко мнѣ нельзя... Пон-ни-ма-ешь? Голл-ло-ва съ мозгами... пон-ни-маешь?

— Какъ не понять! Тоже не лѣвой ногой сморкаемся!—ядовито замѣтилъ Кузьма.

Онъ все болѣе и болѣе проникался чувствомъ превосходства надъ безпомощнымъ пріятелемъ, и ему казалось, что часъ возмездія за все претерпѣнное имъ наступилъ.

— Ну... другъ... вези!—бормоталь засыпавшій Потапъ.

— Успѣешь! Нужно еще лошадей напоить!—отвѣчалъ Кузьма.

— Пили... д-до-вольно... много!

— Мы съ тобой пили, да лошади нашего поила не пьютъ!

— Ну, другъ, вези... за ночлегъ заплачу!

— Не надо мнѣ твоей платы!—огрызнулся Кузьма.

Но въ душѣ онъ былъ доволенъ чувствомъ своего несомнѣннаго превосходства, и простилъ уже все вина кума.

Кузьма отворилъ ворота, вывелъ лошадей, снова задвинулъ засовъ и, усѣвшись рядомъ съ лежавшимъ въ растяжку Потапомъ, погналъ Воронка.

За деревней снова потянулись снѣговья болота въ оправѣ жиденькаго лѣса. И снова монотонный шелестъ осоки и свистъ сухого снѣга подъ ногами лошадей...

Потапъ храпѣлъ, перевернувшись на животъ и уткнувшись носомъ въ сѣно. Кузьмѣ даже не дремалось. Хмель вывѣтрился, въ головѣ ощущалось какое-то тупое давленіе, словно ее кто стягиваль обручемъ, на душѣ было какъ-то смутно и странно...

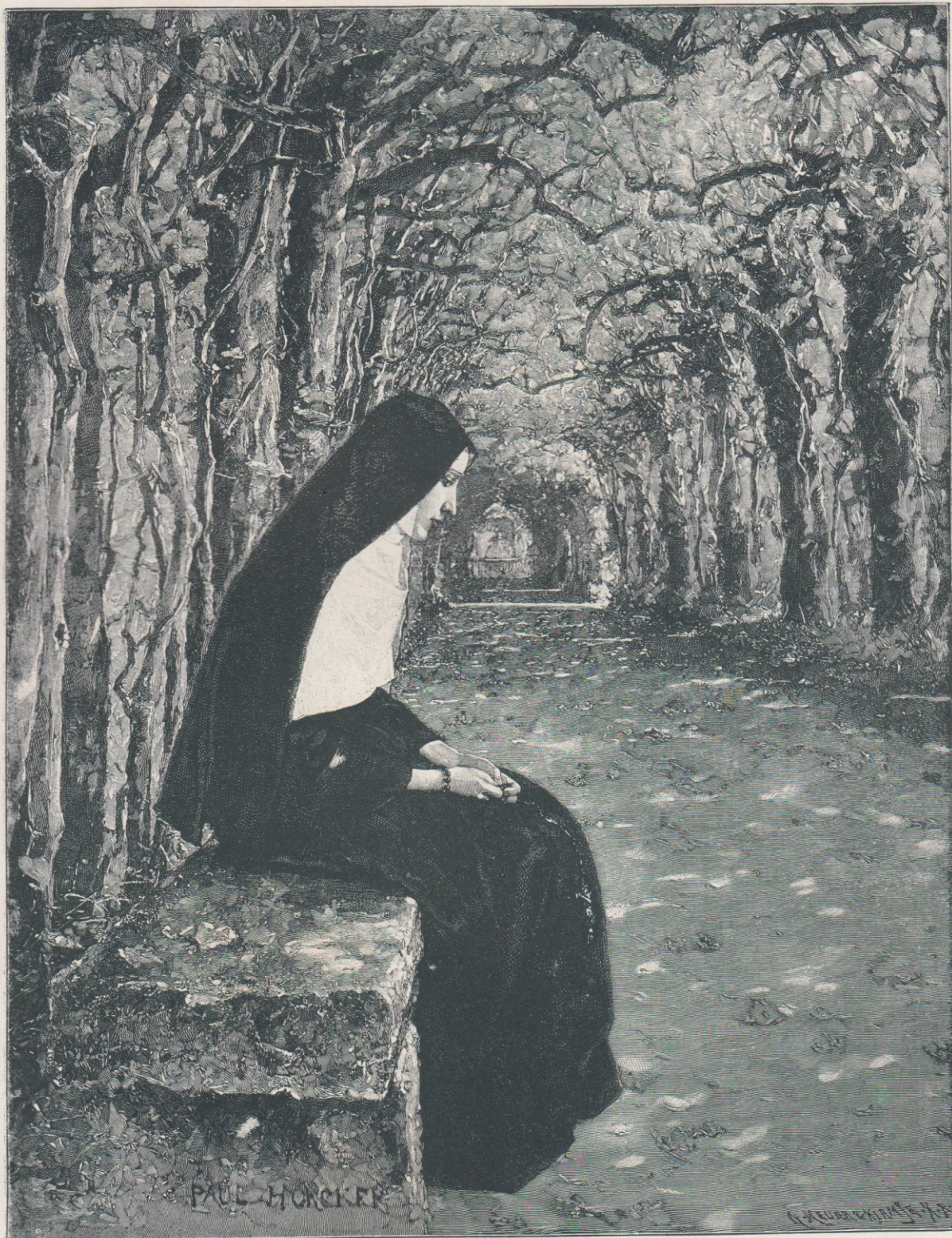
Быль какой-то нудный, тяжелый вопросъ, который Кузьмѣ никакъ не удавалось разрѣшить... И только, когда впереди показалась темная, слитная масса деревенскихъ построекъ, и Кузьма увидѣлъ, что приближается къ дому, вспомнилъ свою избенку, жену и дѣтей. нудный и смутный вопросъ вылился въ опредѣленную, ясную форму:

«Отчего жить худо, а другимъ хорошо, сытно и привольно?»

И тотчасъ же въ головѣ Кузьмы возникъ и отвѣтъ:

«Отъ удачи, отъ счастья, жизнь хороша! А кому нѣтъ удачи, тому все будетъ худо!»

П. Хёкеръ.

РАННЯЯ ОСЕНЬ.

VI.

Потапъ Селиверстычъ, какъ былъ въ полушубкѣ и валенкахъ, завалился на лавку и заснулъ. Тѣ пять минутъ, которыя потребовались, чтобы выльзти изъ саней и добраться до избы, прошли для него совсѣмъ незамѣченными, какъ будто ихъ не было вовсе, и онъ спалъ весь подъ впечатлѣніемъ хмельного и любовнаго угара, о чемъ можно было догадаться по сладостно-блаженному выраженію лица.

Кузьма расположился на сосѣдней лавкѣ, но ему не спалось. Онъ долго прислушивался къ короткому, тихому кашлю спавшей на печкѣ чахоточной жены, къ дыханію дѣтей, но не кашель и не дѣти мѣшали ему спать и въ мучительномъ напряженіи ворочаться съ боку на бокъ.

Мѣшали мысли о «ситчикѣ», объ истраченныхъ на харчи и пропой пяти рубляхъ, о томъ, что изъ 10 рублей долгу нужно раздать что-то около семи, и что на все про все, на весь прожитокъ, останется какихъ-нибудь три, четыре рубля... И въ эти мысли о рубляхъ вплетались новыя, дерзкія мысли объ «удачѣ», о «счастьѣ», отъ которыхъ жизнь бываетъ такъ хороша и привольна.

А тутъ рядомъ, какъ обкормленный боровъ, храпѣлъ, сопѣлъ и свистѣлъ на всѣ лады носомъ ночной гость, котораго Кузьма опять началъ ненавидѣть, представивъ, какъ утромъ, выспавшись, тотъ снова станеть, посмѣиваясь, смотрѣть на него свысока.

И трезвый Кузьма отрезвившемуся куму ничѣмъ не сможетъ на это отвѣтить. Ночь казалась безконечно долгой, тяжелой и мрачной. Какъ кирпичи, ворочались въ головѣ Кузьмы тяжелыя, мрачныя думы, и расла ненависть къ храпѣвшему на лавкѣ куму.

«Кумъ, кумъ, а хоть-бы тогда помогъ, боровъ этакой! Дѣвкѣ ни за что пятишницу отдалъ, а тутъ семья... хоть съ голоду околѣвай». Опять мысли объ «удачѣ», о «счастьѣ», и вдругъ одна, острая, пронизывающая мозгъ, какъ игла:

«Вотъ оно счастье! Вотъ! Само дается въ руки... Только сумѣй... А только, чтобы не робѣть! Сробѣешь, и все, все пропало».

Вспомнился ремень отъ чрезсѣдельника, висѣвшій Богъ въсть сколько времени на гвоздѣ, подлѣ печки, да такъ ясно, отчетливо вспомнился, словно черезъ ночной мракъ такъ и виситъ передъ глазами. Виситъ, и въ руки просится: «возьми, возьми, не пожалѣешь, пригожусь!..».

Кузьма поднялся съ лавки, дошелъ до печи, сталъ шарить. Недолго пришлось шарить: ремешокъ тутъ какъ тутъ, попался въ руки: крѣпкій, круглый, скользкій...

— А-гашка, п... па-ва!..

Толстыя, мозолистыя жесткія руки бароулили вокругъ жилистой, сухой шеи, и что-то тонкое и крѣпкое, какъ ужъ, скользило по ней, потомъ начало давить, давить...

— А...хррр!..

Руки вдругъ поднялись и такъ быстро и сильно, что на мгновение испугали натужившагося со всей мочи Кузьму, но вдругъ затрепыхались, какъ подстрѣленная птица, и беспомощно упали, только два пальца правой крѣпко, мертвой хваткой вцѣпились въ рукавъ рубахи.

— Не дышать!—сказалъ кто-то надъ самымъ ухомъ Кузьмы.

Онъ отпрянулъ отъ тѣла.

Показалось, что сказала жена, видѣвшая все съ печи и обо всемъ узнавшая. Но жена спала, и дѣти спали, и все было тихо...

И Кузьма понялъ, что это слово сказалъ онъ самъ, сказала его кровь, бившая волнами въ уши. Онъ тронулъ за скрюченную у головы руку кума,—та безжизненно скатилась съ лавки.

Тогда онъ нагнулся, взявъ трупъ на спину, какъ куль съ овсомъ, и осторожно, медленно переступая, поволокъ изъ избы.

Ему казалось, что онъ тащитъ его часъ, если не больше, и онъ боялся, что разсвѣтъ застанетъ его за этимъ дѣломъ. Мѣшали волочившіяся ноги, зацѣплявшія за порогъ избы и, словно живыя, подталкивавшія Кузьму въ подколѣнки, когда онъ тащилъ трупъ съ крыльца на дворъ...

Когда онъ вошелъ въ конюшню, одна изъ лошадей тихонько заржала; должно, Воронокъ призналъ хозяина... Съ лихорадочной торопливостью Кузьма запрягъ лошадь въ бѣговыя санки, взвалилъ на нихъ трупъ Потапа, обмоталъ вокругъ кистей концы вожжей и, выведя лошадь за ворота, на улицу, стегнулъ кнутомъ.

VII.

Засаленный, толстый бумажникъ, вынутый изъ ворота рубахи Потапа Селиверстыча, лежалъ на лавкѣ. Кузьма взялъ его, раскрылъ на минуту, убѣдился, что въ бумажникѣ толстымъ сверткомъ лежатъ кредитки и, приподнявъ за желѣзное кольцо дверку въ подполье, спустился по стремянкѣ.

Въ подпольѣ онъ нашарилъ большой, ослизшій отъ сырости камень, съ трудомъ приподнялъ и подложилъ подъ него бумажникъ.

Когда онъ вылѣзъ изъ подполья,—брезжилъ слабый, зимній разсвѣтъ.

— Кузьма, это ты?—окликнулъ его съ печи слабый чахоточный голось Лукерьи,—чего ты это?

— Чего?—отозвался Кузьма.

— Чего всталъ-то?

— Пойти напиться дать Воронку.

Ему вдругъ стало тяжело и страшно оставаться въ избѣ, страшно смотрѣть на лавку, на которой недавно спалъ Потапъ.

Кузьма накиннулъ полушубокъ и вышелъ во дворъ. Тамъ было совсѣмъ свѣтло. Воробьи наперебой чирикали подъ застрѣхой. Въ конюшнѣ, съ глухимъ стукомъ копытъ по настилкѣ, топталась лошадь, не отозвавшаяся, однако, по обыкновенію легкимъ ржаніемъ на шаги приближавшагося хозяина... Кузьма раскрылъ двери конюшни, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ лошади и—обомлѣлъ... Въмѣсто Воронка—въ стойлѣ была лошадь Потапа... Съ помутнѣвшими отъ страха глазами и трясущейся нижней челюстью, Кузьма вошелъ въ избу и увидѣлъ, что жена и обѣ дѣвочки уже встали. Кузьма сѣлъ къ окну. Зубы его стянуло и языкъ не повиновался. Не было никакихъ мыслей въ головѣ и ему казалось, будто вся жизнь ушла изъ него, и онъ сдѣлался весь какой-то невѣсомый, пустой...

Вдругъ въ избу вбѣжала старшая дочь, Дунька.

— Батюшка,—крикнула она,—нашего Воронка мужики поймали за околицей... въ чужія санки впрягшись... Сюда ведутъ... народу, народу что... И сотскіе, и десятскіе...

Кузьма не пошевелинулся и все смотрѣлъ въ окно остекловившимися, тупыми, ничего не видящими глазами...

К. Баранцевичъ.

Гвоздика.

Гвоздики пряныя, багряно-алыя
Вдыхалъ я вечеромъ—дала ихъ ты...
А ночью снились мнѣ сны небывалые,
И снились алыя цвѣты... цвѣты...

Мнѣ снилась дѣвушка такая странная,
Такая милая, а взглядъ—гроза...
И душу ранили мечты обманныя,
И жгли лучистые ея глаза...

И снилось, будто-бы на грудь усталую
Припала съ ласками,—на грудь мою...
Гвоздику пряную, багряно-алую,
Благоуханную съ тѣхъ поръ люблю...

Александръ Ширяевъ.

Дума дѣйствуетъ.

Очеркъ Вл. Новоселова.

Каждый разъ, за девять лѣтъ, когда распахиваются двери стараго Таврическаго дворца предъ избранными Россіи, словно весной распахивается замурованное на зиму окно и въ духоту комнаты вѣтъ свѣжимъ, бодрящимъ воздухомъ

Теперь снова повторяется то же, хотя никогда въ такую острую исключительную годину не собиралась наша Государственная Дума вершить такое исключительное дѣло. Взоры всей Россіи, взоры всего міра устремлены на русское юное народное представительство.

Въ историческихъ засѣданіяхъ въ іюль прошлаго и январь текущаго года Дума только должна была высказать свое мнѣніе, — теперь на ея долю выпадаетъ отвѣтственное дѣло: дать новый курсъ государственному кораблю, привести Россію къ полной побѣдѣ надъ врагомъ.

То, что неясно было многимъ изъ правящихъ круговъ въ іюль, то, что тщательно затушевывалось въ январь, стало ясно всѣмъ, кромѣ слѣпорожденныхъ: это то, что переживаемая война не является уже единоборствомъ армій, но властно требуетъ участія въ ней всего народа.

Это властное требованіе, предъявленное дѣйствительностью, ускорило созывъ Государственной Думы, заставило считаться съ ея мнѣніемъ, принять его не какъ ни къ чему не обязывающій совѣщательный голосъ, но какъ голосъ рѣшающій и обязывающій. Если это дѣйствительно такъ, то это обозначаетъ измѣненіе самаго духа «управленія и дѣйствующей системы», которую предсѣдатель Государственной Думы противопоставилъ «довѣрчивому и отзывчивому отношенію запросамъ общественныхъ силъ страны». Старая «система» не нашла защитниковъ въ Государственной Думѣ, какъ никогда она не находила ихъ въ общественныхъ кругахъ.

Еще недавно, съ трибуны той же Государственной Думы, «правительственная система» гордо обособлялась отъ общественныхъ круговъ, проводя демаркационную линію. Такое же обособленіе правительственныхъ круговъ проходило красною нитью черезъ всѣ четыре думскихъ созыва. Нужны были очистительная гроза и буря, чтобы сознаніе общей опасности Россіи уничтожило эту демаркационную линію. Игнорируемая раньше правительствомъ, Дума теперь получила завѣреніе, исходящее отъ предсѣдателя совѣта министровъ, что, вступая на путь новыхъ усилий и жертвъ войны, правительство «считаетъ своимъ долгомъ и испытываетъ нравственную потребность окончательно избрать этотъ путь не иначе, какъ въ полномъ единомысліи съ законодательными учрежденіями». Во имя фактическаго закрѣпленія этого единомыслія члены законодательныхъ учреждений призываются къ *постоянной непосредственной работѣ*. Эта работа, до сихъ поръ бывшая въ исключительномъ вѣдѣніи правительственныхъ учреждений — усиленіе обороны, снабженіе арміи, поддержка промышленности, борьба съ дороговизной жизни — передается теперь подъ контроль избранныхъ законодательныхъ палатъ и проходить при ихъ непосредственномъ участіи. По замѣчанію предсѣдателя совѣта министровъ, это и есть та самая работа, которая составляетъ величайшую и на время войны, въ сущности, единственную задачу власти, ибо «для программныхъ рѣчей» теперь — «не время». Но даже г. предсѣдатель совѣта министровъ не могъ не упомянуть кратко о программѣ будущаго нашей внутренней политики, такъ не похожей на руководящую идею политики прошлаго, ибо, по словамъ предсѣдателя совѣта министровъ, «внутренняя политика наша должна быть въ будущемъ проникнута началомъ *безпристрастнаго и благожелательнаго вниманія къ интересамъ всѣхъ вѣрныхъ Россіи гражданъ, безъ различія языка и вѣры*». Въ стѣнахъ стараго Таврическаго дворца, наконецъ, прозвучало и то слово, которое долгое время было какимъ-то «жупеломъ», потаеннымъ и отреченнымъ словомъ. Это — автономія Польши.

Многострадальная Польша, наконецъ, дождалась того дня, когда въ русскомъ парламентѣ русскій премьеръ-министръ, черезъ годъ почти послѣ памятнаго воззванія къ полякамъ Верховнаго Главнокомандующаго, произнесъ это слово, претворяемое въ дѣло. Еще недавно за рѣчи о польской автономіи поляки зачислялись въ ряды злонамѣренныхъ сепаратистовъ, польская печать за однѣ мечты о ней каралась цензурными и административными скорпіонами. Но великій сдвигъ принесла съ собою великая война. Недавно условно-«крамольное» теперь приветствуется, какъ актъ справедливости. Предсѣдатель совѣта министровъ, признающій, что теперь не время для программныхъ рѣчей, однако, считаетъ долгомъ выдѣлить изъ клубка вопросовъ внутренней жизни одинъ вопросъ — вопросъ польскій. По Высочайшему уполномочію Государственной Думы объявляется, что со-

вѣту министровъ Высочайше повелѣно разработать законопроектъ о предоставленіи Польшѣ, по завершеніи войны, права свободнаго строенія своей національной, культурной и хозяйственной жизни на началахъ автономіи. Но это все въ будущемъ. Послѣ завершенія войны, послѣ *полнаго* одолѣнія врага.

Завершить войну одолѣніемъ врага—это единомысленно исповѣдуетъ вся Россія: и ея общество, и Дума, и правительство. Въ этомъ нѣтъ ни противорѣчій, ни расхожденій. Это—цѣль, ясная всѣмъ. Но пути, ведущіе къ ней, различны. Въ то время, какъ предсѣдатель совѣта министровъ находитъ, что теперь не время «программныхъ рѣчей», Государственная Дума и, вмѣстѣ съ ней, общественные круги Россіи прежде всего хотятъ видѣть точную программу правительственныхъ дѣйствій, направленныхъ для одолѣнія врага. И это не только *слѣва*, но даже изъ правыхъ рядовъ. «Националисту» Бобринскому уже ясно, что цѣль у всѣхъ русскихъ одна, что нужно дать армии то, что необходимо для побѣды, ибо армія неотдѣлима отъ народа, есть сама его духъ и его плоть. Необходимо, именно, то, о чемъ давно тиешно взываетъ Россія: внутреннія реформы. Она, говоря словами гр. Бобринскаго, «доказала, что созрѣла и достойна этихъ реформъ». Но реформы для представителя фракціи националистовъ возможны тогда, когда настанетъ побѣдный миръ. Это, въ сущности, та же точка зрѣнія, на которой стоитъ и правительство, но въ отличіе отъ старыхъ лозунговъ националистовъ, основанныхъ на полномъ довѣрїи къ правительству, ихъ лидеръ теперь зоветъ на помощь благородный скептицизмъ и приглашаетъ членовъ Думы «со всѣмъ тщаніемъ патріотическаго скептицизма» провѣрить все то, что представитъ правительство, выяснитъ, добраться до корней и исправить прежнія ошибки, чтобы армія дѣйствительно получила все то, что ей необходимо для защиты отечества и для сокрушенія врага». Октябристы, недавно считавшіеся партией послѣдняго правительственнаго распоряженія, и тѣ отмѣтили, что расхожденіе между обществомъ и правительствомъ *составляетъ краеугольное* явленіе и главную причину слабости правительства и всего государства, а представитель центра подчеркнул осознанную даже центромъ идею, что лишь правительство, имѣющее за собою довѣріе страны, «имѣетъ силу требовать высшаго напряженія народной энергіи». Причины нашей постоянной неготовности къ войнамъ—и въ севастопольскую, и въ русско-турецкую, и японскую—вывили октябристы. Онѣ въ той подолекѣ, «какъ подбираются и комплектуются у насъ правительственные лица на высшихъ ступеняхъ военной и гражданской іерархіи». Прогрессисты дали иллюстрацію того, какъ «чуть не до послѣднихъ дней правительство надменно считало себя способнымъ справиться устарѣлыми средствами обветшалой бюрократической машины съ громадными задачами міровой войны». Эти «устарѣлыя средства» ярко подчеркнуты въ рѣчи Милюкова, ибо настоящій источникъ ошибокъ въ *ненормальномъ* отношеніи между общественными силами и властью. На обойденномъ националистами, на затушеванномъ октябристами, депутатъ партіи народной свободы поставилъ точку надъ і. Для него ясно, что голось Россіи—есть борьба со врагомъ до конца, не щадя ничего для полной побѣды, но безъ обновленія строя русской жизни, ея «системы» нѣтъ возможности избѣжать тѣхъ «ошибокъ», которыя были въ прошломъ, ибо безъ взаимнаго довѣрія страны и правительства нельзя дружно идти впередъ и осуществлять всенародныя задачи.

Принимая формулу перехода, Дума выразила полную рѣшимость вести борьбу съ внѣшнимъ врагомъ до полной побѣды; во имя обезпеченія этой побѣды она признала необходимыми внутренній миръ, забвеніе старой политической борьбы и тѣсное единеніе со страной правительства, пользующагося полнымъ ея довѣріемъ.

Такова думская программа. Ближайшее будущее покажетъ, въ какомъ соотвѣтствіи съ ней программа обновленнаго правительства, его тактика. Въ первыя засѣданія Думы кабинетъ выступилъ безъ программныхъ рѣчей и программы, но необходимость этой программы чувствуется даже националистами и устами оратора ихъ фракціи съ думской каѳедры было заявлено, что Дума ждетъ правительственныхъ объясненій, какъ правительство организовало и какъ собирается организовать побѣду?

Въ ней никто не сомнѣвается въ Россіи, но различны пути, ведущіе къ этой побѣдѣ. Старые пути проторены и пройдены до конца. Жизнь властно требуетъ новыхъ, и этимъ сознаніемъ проникнута вся Россія. Недаромъ же всѣ партіи въ Думѣ сошлись на одномъ: на необходимости «измѣненія самаго духа и укрѣпленія дѣйствующей системы». Это значить, другими словами, что необходимо возложеніе ответственности предъ народнымъ представительствомъ, безответственныхъ до сихъ поръ предъ нимъ, членовъ правительства, ибо такую же ответственность уже на себя приняли предъ страной за ходъ событій сами народные представители.

Вл. Новоселовъ.

ВЪ ЭТИ ДНИ.

Очеркъ Н. Носкова.

Жизнь вступила на крестный путь. Голгофу обрѣло и творчество. Оно не замерло, но затаилось; не изсякло, но его источники ушли въ глубину. Наземные стали подспудными.

Писатель-художникъ замолкъ. Онъ безсиленъ въ творческомъ процессѣ объять необъятное: суммировать явленія мятущейся жизни, измѣрить, вышедшій изъ береговъ, океанъ.

Жизнь утратила четкость формъ, законченность контуровъ. Исчезли былые масштабы. Не удовлетворяютъ старые критеріи. Прежнія оцѣнки потеряли непреложную святость. Острота зрѣнія утратила пропорціональное соотношеніе съ силой освѣщенія. Глазъ не приспособился къ новымъ, развертывающимся далямъ. Уголь зрѣнія имѣетъ свой предѣлъ. Эти дали—безпредѣльны.

Условія спокойнаго, созерцательнаго творчества вконецъ нарушены. Довлѣющая злоба дня, подобно вихрю, загасила творческіе огни.

Жизнь и творчество разошлись: одна дѣйствена, другое бездѣйственно. Дѣйствуетъ сила разрушенія—бездѣйствуетъ сила созданія. Пока стихійная сила неудержимо творитъ разрушеніе—творческой силѣ созданія нѣтъ мѣста, нѣтъ приложенія.

Но буря, гроза—не норма жизни. Онѣ—отклоненіе отъ нормы. Недаромъ же одинъ изъ самыхъ уравновѣшенныхъ русскихъ художниковъ слова,—одинъ изъ счастливыхъ обладателей дара художественнаго синтеза, Гончаровъ, въ стихійныхъ проявленіяхъ силъ природы находилъ не красоту, а безобразіе. Для него онѣ являлись только «безпорядкомъ и зломъ». Онѣ нарушали покой созерцанія, выводили творчество писателя изъ состоянія равновѣсія.

Это «равновѣсіе» прежде всего необходимо для творчества.

Пушкинъ обрѣлъ его въ своемъ Болдинѣ, отрѣзанный отъ міра. Толстой находилъ его въ яснополянскомъ уединеніи. Тургеневъ, лишь уйдя на Западъ отъ того, что «совершается дома», могъ спокойно взяться за перо; даже мятежная, искавшая бурь, душа Лермонтова зажигалась творческимъ огнемъ, только захоронившись въ тиши отъ сутол ки; «врачующій просторъ» родины необходимъ былъ Некрасову, и не въ кипѣніи жизни, а вдали отъ нея создавались всѣ цѣнности литературы и искусства.

Для современнаго писателя нѣтъ «тихой пристани». Вокругъ всюду клочечъ буря. Она предъ глазами. Она въ душѣ и помыслахъ. И нѣтъ возможностей для углубленнаго синтеза, еще не отлившихся въ законченную форму событій. Немыслимъ анализъ отдѣльныхъ разрозненныхъ явленій, не охватываемыхъ во всей ихъ совокупности.

Яснѣетъ часть, но цѣлое еще объято туманомъ.

При такихъ условіяхъ творчество всегда молчаливо, бездѣятельно.

Такъ было, такъ есть.

Писатель-художникъ замолкъ въ «эти дни». Литература оскудѣла новыми цѣнностями. Но книжный рынокъ дѣйствуетъ,—улавливая «моментъ», дѣйствуютъ «литературщики». Пишутся и печатаются стихи и проза; даже болѣе: пишутся и печатаются не въ меньшемъ количествѣ, какъ до войны... Въ смыслѣ улавливанія момента «литературщики» всегда впереди; на темы дня они реагируютъ быстро. Въ большинствѣ, цѣнность этой «отзывчивости» съ художественной точки зрѣнія очень мало стоящая, тѣмъ не менѣе въ этомъ случаѣ они всегда впереди. Тогда, когда для художника еще не наступила пора для сѣва—они уже собираютъ жатву.

Процессъ «писанья» легокъ, процессъ творчества тяжелъ и медлителенъ. Эпопея двѣнадцатаго года нашла полное отраженіе въ «Войнѣ и мирѣ» только черезъ пятьдесятъ лѣтъ, но романы, повѣсти и рассказы объ этой эпопее начали появляться тогда, когда сами великіе дни были еще не завершеннымъ явленіемъ, когда была ясна только казовая ихъ сторона и совершенно не понятенъ еще былъ ихъ внутренній смыслъ, ихъ философія.

Фактическая сторона двѣнадцатаго года послужила Толстому только матеріаломъ для его великаго созданія,—монументальнаго памятника эпохѣ. Грубый матеріалъ нуженъ и художнику, но онъ по *своему* умѣетъ имъ распоряжаться.

То же самое наблюдается во всѣхъ областяхъ искусства.

То, что переживаетъ сейчасъ литература, переживаетъ и театръ.

Актерское дѣйство также принижено и обречено на бездѣйствіе. Театры полны зрителей; большинство изъ нихъ ищетъ въ театрѣ отраженія того, что со-

вершается въ дѣйствительности, ищетъ забвенія и—не находитъ. Наркотика усыпления и отвлеченія не дѣйствуетъ, ибо подлинное искусство даетъ не усыпление и отвлеченіе, а пробужденіе и подъемъ.

Мутный потокъ ремесленничества теперь заливаешь и литературу, и театръ, стремясь реагировать на нервы читателей и зрителей отзвуками на злобу дня; цѣлый рядъ пьесъ на современные событія,—пьесъ, скроенныхъ закройщиками драматургическаго цеха, проходитъ отъ столицъ до провинціи, свидѣтельствуя объ одномъ: о полномъ безсиліи выявить въ незавершенномъ настоящемъ подлинный ликъ жизни. Жизнь стоитъ въ преддверіи чего-то большаго, огромнаго, не обычнаго, творчество замерло и, подобно тусклому зеркалу, безсильно отразить подлинныя ея черты.

О событіяхъ довлѣющаго дня исписаны цѣлые томы. Цѣлые штабелы кирпичей—фактовъ—налицо. Но все еще нѣтъ цемента, спайки: нѣтъ возможности для критической провѣрки и освѣщенія этихъ самыхъ фактовъ.

Беллетристы и драматурги-ремесленники уже нагромоздили цѣлыя груды мусора—плодовъ своего зодчества. Повѣсти, рассказы и пьесы, связанныя такъ или иначе съ событіями послѣднихъ дней, считаются уже сотнями, но всѣ они послушны одному закону: печатаются, выходятъ въ свѣтъ и падаютъ въ Лету забвенія. Всѣ они, даже лучшіе изъ нихъ, только или блеклая фотографія съ натуры, или обрисовка мимолетныхъ впечатлѣній, психологія отдѣльныхъ моментовъ. Крошечныя части, не дающія никакого представленія о великомъ цѣломъ.

А между тѣмъ, кажется, текущія событія все поглотили. Все то, что не *оттуда*, то, что не о нихъ, не имѣетъ съ ними близкой связи, почти исчезло изъ журналистики. Злоба дня влечетъ къ себѣ и писателя, и читателя. Стихи, беллетристика, пьесы окрашены злободневнымъ колеромъ. Уклонъ отъ тѣхъ дней къ этимъ выраженъ четко и въ жизни, и въ литературѣ.

Не менѣе четко опредѣлилось и положеніе большинства писателей: поэтовъ, беллетристовъ, драматурговъ. Одни изъ нихъ «ушли» на войну; другіе «уѣхали» туда же, въ качествѣ военныхъ корреспондентовъ. Поэты, беллетристы и драматурги, волею судьбы, обратились въ хроникеровъ, въ «газетчиковъ», пишутъ перомъ лѣтописцевъ, подчиняя «творческую выдумку» фактамъ.

Тамъ, среди арміи, собранной отъ народа, несетъ теперь свою рядовую службу и русскій писатель; даже болѣе: именно этого настоящаго писателя потянуло отсюда—туда, ибо не тутъ, а тамъ, совершается трагедія исторіи, тамъ арена ея дѣйствія. И если здѣсь «сочинители сочинительствуютъ», то тамъ, и на передовыхъ позиціяхъ и въ глубокомъ тылу, русскій писатель выполняетъ только тяжкую черновую писательскую работу и собираетъ матеріалы, вбираетъ тяжкія впечатлѣнія, зарисовываетъ и зафиксировываетъ уголокъ за уголкомъ огромнаго полотна,—создавая писательскіе эскизы съ натуры для будущихъ работъ, еще не осознанныхъ въ цѣломъ. И тамъ, среди кипѣн дѣйствительности, лицомъ къ лицу къ ней, онъ болѣе, чѣмъ когда-либо, переживаетъ тѣ «муки слова», то сознание его безсилія, которыя такъ тяжело испытали всѣ наши поэты-художники, прежде чѣмъ находили это нужное слово для выраженія,—побѣду и одолѣніе надъ нимъ. Этихъ мукъ не знаютъ никогда мастера литературнаго цеха. Пушкинъ зачеркивалъ и перечеркивалъ свои пьесы и черновые его наброски—свидѣтелей неустаннаго исканія совершенства. Толстой работалъ надъ своими созданіями долго и упорно. Точно такъ же работали всѣ наши писатели. Такая же работа ждетъ и будущихъ творцовъ великой эпопеи, теперь такъ остро переживаемой нами. Мы видимъ одинъ лишь уголокъ ея и безсильны охватить ее въ цѣломъ, ибо это цѣлое еще только образуется изъ отдѣльныхъ частей, еще незавершенныхъ и незаконченныхъ. И мы не вправѣ обвинять современнаго писателя за его молчаніе, не вправѣ предъявлять къ его творчеству тѣхъ требованій, которыя не исполнимы.

Жизнь и творчество круто разошлись. Одна дѣйствительна, другое бездѣйствительно. Жизнь вступила на путь разрушенія. Пути для созиданія еще лежатъ засоренными обломками разрушенія. Но не разрушу и—не сотворю. Лишь на развалинахъ буйно и молодо всходитъ новая жизнь. И она взойдетъ, когда надъ міромъ вновь засвѣтитъ солнце. Засвѣтитъ солнце и расцвѣтетъ творчество, ибо безъ него нѣтъ и не можетъ быть жизни.

Мы уже вступили на крестный путь. Всѣ цѣнности принесены въ жертву и даже высшая цѣнность—человѣческая жизнь—стала обреченной жертвой.

Міръ вновь обрѣлъ Голгоу. Но конецъ крестнаго пути вѣнчаетъ не Голгоа, а—воскресенье.

Ник. Носковъ.

	Стр.
Юной. Стихотвореніе Н. Якубовичъ	483
Женщинамъ. Стихотвореніе Ив. Мукосѣева	484
Несчастные. Разсказъ В. Я. Ленскаго	485
Миніатюры. Соч. Аркадія Селиванова	497
На зарѣ. Стихотвореніе Евг. Яновскаго	499
Удача. Разсказъ К. С. Баранцевича	501
Гвоздика. Стихотвореніе Ал. Ширяевца	511
Дума дѣйствуетъ. Очеркъ Вл. Новоселова	512
Въ эти дни. Очеркъ Ник. Носкова	514

КАРТИНЫ: 1) **Коварный замыселъ.** Картина въ краскахъ Б. Гутманъ. 2) **Ранняя осень.** Автотипія съ картины П. Хёкера.

КЪ СВѢДѢНІЮ Г.Г. ПОДПИСЧИКОВЪ.

Съ 15-го Августа текущаго года контора и редакція журнала „ПРОБУЖДЕНІЕ“ переходитъ въ собственный домъ: Петроградъ, Суворовскій проспектъ, 41, противъ Императорской Военной Академіи.

Редакторъ-издатель Н. В. Корецкій.

226191/581

1915 г. Продолжается подписка на 1915 г. 10-й годъ
на двухнедѣльный, изданія

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ
съ картинами въ краскахъ

ПРОБУЖДЕНИЕ

Гг. подписчики получаютъ въ теченіе 1915 года:

24 РОСКОШНЫХЪ ВЫПУСКА Художественно-Литературнаго и научнаго журнала „ПРОБУЖДЕНІЕ“.

50 ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ КАРТИНЪ: въ краскахъ, на паспарту, фототипія, портреты и друг.

12 КНИГЪ, ВЪ 3-ХЪ ПЕРЕПЛЕТАХЪ СЪ ЗОЛОТЫМЪ ТИСНЕНИЕМЪ, ЮБИЛЕЙНАГО ИЗДАНІЯ СОЧИНЕНІЙ (по случаю 50-лѣтія со дня смерти) **М. И. МИХАЙЛОВА.**
Книги романовъ, рассказовъ, стихотвореній и друг.

ДВА ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ УКРАШЕНІЯ ГОСТИНОЙ:

1. **АТЛАСНЫЙ ГОБЕЛЕНЪ**
въ стилѣ Людовика XVI-го.
Картина на атласѣ Буше.

2. **ПОСЛѢ ТАНЦА.**
Изящный стѣнной горельефъ художника Годварда.

Два украшенія столовой комнаты:

ПАНО-БАРЕЛЬЕФЪ
„Дикія утки“.

ПАНО-БАРЕЛЬЕФЪ
„Морскіе окуни“.

Художник: Ел. Магюръ и Ф. Эрая. Красивая имитация рельефныхъ бронзов. фигуръ.

ИЗЯЩНЫЯ УКРАШЕНІЯ КАБИНЕТА:

Дѣвушка съ голубями.
ГЕЛЮГРАВИЮРА СЪ КАРТИНЫ художника Ш. Шаппель.
Размѣръ 47×68 сант.

Стильный японскій альбомъ
съ картинами японскихъ художниковъ и рельефнымъ тисненіемъ золотыхъ украшеній.

Роскошная стѣнная картина въ краскахъ

знаменитаго итальян. худож. **ГЕРЦОНИ.**

СОЛНЦЕ ВЗОШЛО!

работы пост. Дв. Е. И. Велич. Голике и Вильб.

Размѣръ 62×80 сант.

Въ ознаменованіе 10-лѣтія „Пробужденія“ будетъ выдана въ концѣ года **ЗНАМЕНИТАЯ АЛЛЕГОРИЧЕСКАЯ КАРТИНА ВЪ КРАСКАХЪ**

извѣстнаго художника **Ф. Лефлера.**

ПОДЪ ШОПОТЬ ГРЕЗЪ

Размѣръ картины 63×88 с.

Подписная цѣна: на первое полугодіе 4 руб.; на второе 5 руб. на 3 мѣсяца 2 руб.; на три мѣсяца 2 р. 50 коп. На меньшіе сроки подписка не принимается. За границу 12 руб.

Редакція журн. „ПРОБУЖДЕНІЕ“, Петроградъ, Невскій, 114.

Редакторъ-Издатель Н. В. КОРЕЦКІЙ.

Цѣна отдѣльнаго № журнала 40 коп.